

ЗАДОРНАЯ МАНДАРИНКА

АМАЛИЯ МАРТ

16+

Амалия Март

Задорная Мандаринка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67588176

SelfPub; 2022

Аннотация

Вот, говорят, жизнь, как зебра – полоса белая, полоса черная. А у меня все не как у всех! Моя зебра – афроамериканец. Seriously. Иначе как объяснить, что любой мужик, к которому я прикасаюсь, превращается в скота? Один бросил за неделю до свадьбы. Другой добился и канул в лету. А третий... тот вообще забыл, что провел со мной жаркую ночь! Козел. Ну ничего. Я вот как перекрашусь, как похудею, все у моих ног валяться будете! А я... только задорно смеяться, почесывая вас, блохастых, за ушком. Веселая романтическая история с новогодним привкусом.

Содержание

Глава 1. Мисс неудача	4
Глава 2. Свадьба друзей – повод для грусти	11
Глава 3. Из чего же, из чего же, из чего же...	17
Глава 4. О, этот вид!	25
Глава 5. Не было печали...	33
Глава 6. Почему так жесток дождь?	38
Глава 7. Женщина, желающая угодить	46
Глава 8. Кот, кед и бывший	53
Глава 9. Ложка дегтя	62
Глава 10. Два полюса притягиваются	70
Глава 11. Горячий вечер вторника	78
Глава 12. План всем планам	82
Глава 13. Черная полоса? Не, не слышал	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Амалия Март

Задорная Мандаринка

Глава 1. Мисс неудача

Инна. Наши дни

Оке-е-ей. Знаю, знаю, что обещала себе. Но! Блинчики. Со сгущенкой. В полночь. Это мой личный рецепт избавления от стресса.

И да, я в курсе, что именно из-за них мой скромный сорок четвертый размер перешёл в сорок восьмой. И что именно они резко ушили мои любимые джинсы. И что ляжечки, меж которыми всегда была модельная пропасть, встретились в желании никогда больше не расставаться! Но поводов для «понервничать» за последний год действительно добавилось.

Посудите сами:

- меня бросил жених (не готов, понимаете ли, думал, что да, а вот оказалось, что нет...);
- я переспала с боссом (так, скорее, в отчаянной попытке доказать, что весьма ничего, и могу заарканить красавчика);
- перекрасилась в рыжий (и это при родном блонде, ну не дура ли, а?);

– моя подруга выходит замуж (за того самого... босса-красавчика, вот где самооценке удар, да?);

– и самое ужасное, ну, вот, просто хуже придумать невозможно, недавно я провела ночь еще и с лучшим другом босса, а он меня на следующее утро и не вспомнил.

Точка. Финита ля комедия, блин. Ну как, как, скажите мне, тут не толстеть???

– Так, Инна, возьми себя в руки! – гневно кричу своему отражению в зеркале. С моими 165 см – 60 кг на весах – убийственны. И пускай все модные таблички говорят, что с таким ростом вес до 65 килограмм норма, и вообще, бодипозитив, полюби себя такой, какая ты есть – тьфу на них! Они не видели меня в любимых джинсах, не сходящихся на животе! От всех этих блинчиков есть только один толк – грудь встала бодрой четверочкой, хотя раньше и троечка не набиралась.

Но какой в этом толк, если их даже продемонстрировать некому! Ладно, так, глубокий вдох, пуговица, пуговица, пуговица, ширинка. Влезла! Выгляжу до неприличия обтянутой, но под длинным широким свитером никто не увидит. Привычным жестом заплетаю теперь уже рыжеватую косу и, пытаясь лишний раз не дышать и не наклоняться, обуваю кеды.

– Мам, закрой за мной! – кричу и выбегаю на лестничную клетку. Вот и ещё один повод пострессовать в копилочку: после расставания с женихом он тактично попросил свалить

с совместно снимаемой квартиры, а одной мне такую московскую роскошь не потянуть, вот и вернулась к маме. В Котельники. В комнату, обклеенную плакатами Джареда Лето.

О, ещё один пункт:

– мне двадцать семь, и первое, что я вижу, открывая глаза по утрам – лицо вокалиста группы Thirty Seconds to Mars в образе Иисуса. Спасите, помогите, потому что снять его, означает пялиться на обои времён моей бабушки, которые видели, как меня зачали.

Итак, подведем итоги:

– я жирная;

– у меня нет мужика;

– я настолько плоха в постели, что после меня и не помнят;

– живу с мамой;

– и я жирная, я уже говорила?

Стоит ли удивляться, что и сегодняшний день, один из самых важных за последние полгода, тоже не задался?

– Инк, а Инка, чё там по исследованиям детских творожков? – с порога взяла меня в оборот Кононова. Ненавистная мне, с некоторых пор, блондинка.

– Норм все, – соврала и плюхнулась в кресло. И так душевно у меня это вышло, что одно из колесиков с громким "хрусь" отлетело в неизведанном направлении, оставляя меня негодовать в перекошенном кресле. Чудесно, просто космически прекрасно! Мне же больше делать нечего, как ис-

коть заведующего АХЧ, который ещё и одарит меня взглядом "знаю я, откуда у тебя руки растут, деточка".

Я тоже знаю! Но в этом не виновата. Так звёзды сошлись, планеты, должно быть, не тот дом заняли, когда меня мама в машине скорой рожала. Видать торопилась я нехило, раз даже довести до больницы не успели, и так, на одном из московских светофоров и приняли – пухлую, лысую, орущую меня. С извечным отпечатком в судьбе: все не как у всех.

Какие-то планеты выстроились, а мне теперь всю жизнь разгребай! Я же классический пример неудачника: если в ресторане у кого-то будет муха в супе – это буду я; если в огромном конференц-зале есть сломанный стул – моя пятая точка займет именно его; если существуют мужики-козлы, то всех их собрала я, отвечаю!

Опять об этом недочеловеке подумала, черт. Все мои стальные нервы на ложечки переплавил! Всю железную волю на монетки раздербанил. Скот.

Вдох-выдох. Я не буду больше думать о чертовом Хроме-ве, мать его, Илье Геннадьевиче. Козел. Рыбка с памятью в 30 секунд. Чтоб у тебя там отсохло все могучее достоинство, может, оперативка в башке подосвободится.

Но калейдоскоп воспоминаний, запущенный нерадивым колёсиком кресла, было уже не остановить.

Три месяца назад.

– Коктейли, коктейльчики, любимые мои. Начнем, навер-

но, с Лонг Айленда, да? – я подняла свой взгляд на Лолу, свою новую крутую подружку.

В ее взгляде читалось: спасите меня из этого места и уведите от этой страшной женщины, то есть меня. Мы с ней, безусловно, совершенно разные по характеру и темпераменту дамочки, даже внешность у нас диаметрально противоположная: она очень стройная, высокая шатенка, а я – фигуристая – с недавних пор, – натуральная блондинка с копной волос до самого эффектного места. Она – теплое растение богатого папочки, я же – пригородный сорняк, стойкий к вредителям. Если бы не стечение обстоятельств и моя природная невозможность держать язык за зубами, мы никогда не подружились. Но противоположности сходятся, да? Даже в дружеском ключе.

Итак, уломав подругу на полный отрыв, мы открыли вечер любимым Лонг Айлендом, продолжили сладким Дайкири, шлифанули Космополитен и Маргаритой, а где-то между всем этим удовольствием была ещё Пина Колада и шокирующее заявление Лолы: она спит с боссом. Мне хотелось крикнуть на нее: черт, подруга, как же ты так! Я же предупреждала, он – охотник, добьется цели и поскакал дальше на своем верном сером БМВ. Не совершай моих ошибок, ведь даже если знаешь, что тебя используют, мерзкое ощущение стыда никуда не уйдет.

Но вместо этого, лишь покачала головой, тихо посочувствовав:

– Ох, подруга, лучше бы ты на Илью Геннадьевича поку-
силась, он хотя бы на завтрак остается...

*И это было правдой. Друг нашего босса был, хоть и из-
вестный бабник, к женщинам относился уважительно, и
даже дарил ощущение заботы и красивых ухаживаний. Бы-
ли и цветы, и рестораны, и даже – невиданное – завтрак
в постель. Правда все эти романы были столь же недолго-
вечны, как и йогурт без холодильника, но после них не было
столько разбитых сердец, сколько оставлял наш шеф. На
практике мне это испытать не довелось, уж больно непри-
ятным был предыдущий опыт, но офисное радио врать не
будет.*

*Когда вечер был в самом разгаре, неведомая сила, читай,
нужная кондиция, потянула меня на танцпол. Музыка была
идеальна, вокруг толпа оголодавших мужчин, а мой вырез
словно косточка, брошенная стае бродяжных собак. Уже
через пять минут я почувствовала настойчивые руки на
талии, мощный торс за спиной и энергетику, посылающий
однозначные флюиды – домой я сегодня не вернусь.*

*Какой бы динамичной не становилась музыка, мужчина,
в чьем плену я находилась, не позволял мне развернуться к
нему лицом. Его крепкие пальцы сжимали талию, бедра тер-
лись о мои. Теплое дыхание периодически касалось уха, шеп-
ча: "Ты такая сексуальная, красотка". Его слова разлива-
лись жаром в груди. От уверенных движений в такт моим,
кожа наэлектризовалась, требуя выхода энергии. Когда его*

губы коснулись шеи, я задрожала от дикого желания.

Мы оказались в такси, обезумевши целуясь, уже через пару минут. Весь путь до его квартиры, мы расстегивали друг на друга одежду, чтобы сократить ненужную прелюдию. Когда в полумраке он развернул к себе спиной, чтобы полюбоваться на приглянувшиеся ему детали моей фигуры, я уже точно знала, с кем находилась.

Но никакая сила воли, здравый смысл или логика не смогли остановить меня от самой жаркой и умопомрачительно сладостной ночи в моей жизни. На утро я по-тихому свалила, мечтая оказаться Золушкой, которую затем разыщут и предложат руку и сердце, потому что после всего что было... ну, он обязан на мне жениться.

Но суровая реальность больно ударила по темечку и моей самооценке уже на следующий день. Принц за мной не пришел. В лифте не поздоровался. А последующие дни делал вид, что меня не существует.

Вот вам и красивые ухаживания, и завтрак в постель от Ильи – мать его – Хромова.

Скот. Натуральная скотина.

Глава 2. Свадьба друзей – повод для грусти

Илья. Две недели назад

Не могу поверить. Просто не могу в это поверить. Мой лучший друг, чувак, на которого я равнялся, тот, кто ни разу не проводил ночь с одной и той же женщиной дважды за все пять лет нашего знакомства, – женится.

– Дружище, если тебя шантажируют, самое время признать, и я помогу тебе скрыться в Мумбаи.

– Почему в Мумбаи-то? – усмехнулся Марк, без пяти минут муж богатой наследницы.

– То есть ты не отрицаешь, что тебя к браку принудили? – усмешка – мой верный спутник.

– Илюх, я женюсь, потому что пипец как хочу этого. Потому что при мысли, что Оля снова убежит от меня, тело начинает ломать. Потому что, блин, хочу ее двадцать четыре на семь и только для себя, понимаешь?

– Да, походу это и есть любовь... Неизвестная субстанция, внедряется незаметно и выветривает последние мозги, – последовал мощный толчок в предплечье. – Ауч, – взвыл я. – На правду не обижаются.

– Посмотрим, как ты заговоришь, когда сам вляпаешься

по самые уши. Будь начеку, а то не заметишь, как однажды очнешься на моем месте, – засмеялся приятель.

– Где-то в Англии, выбирая идеальный галстук?

– Аха-ха, тебе не светит, сорян. Максиму – где-то в Подмосковье.

– Как низко ты меня ценишь! Все, я обиделся и ушел думать думы, пока ты будешь предаваться заморским традициям, – развернулся и бодрым шагом направился к двери.

– Илюх... – протянул Марк, на что получил недвусмысленный жест со средним пальцем во главе.

Не хорошо, наверно, оставлять друга прямо перед церемонией, на которой он навсегда наденет себе кандалы, но разозлил, право. Не светит мне... Да я, по сравнению с ним, святой вообще. От меня ещё ни одна женщина неудовлетворенной или в слезах не уходила! Так что по законам вселенной мне положена минимум дочь президента. У президента же дочери, да?

И, как назло, ни одной мало-мальски симпатичной мадам. Знал бы, что англичанки такие стремные, захватил свое с собой, как говорится. А теперь тухни тут, как евнух. И это на свадьбе лучшего друга!

Видение в алом платье показалось лишь на миг, но это не помешало всему организму подобраться, как на линейке в первом классе. Облако воздушной ткани, затейливо обрамляющее фигуру Афродиты, мелькнуло возле церемониальной арки в центр-холле и скрылось за толпой людей. Ну, да-

вайте же, рассаживайтесь, черепахи, покажите мне алую даму!

Словно в паршивой романтической комедии, народ расступается, свет из окон преломляется причудливыми линиями и создаётся ощущение, что передо мной стоит ангел. То есть, нет, напротив, рыжая дьяволица, пришедшая на землю, чтобы совратить меня. Да, красotka, да, я хочу быть тобой совращен!

Алая дама проплывает мимо меня, едва кинув взгляд, и одаривает букетом сладких запахов: ваниль, корица, кокос. Рот мгновенно наполняется слюной, будто передо мной положили теплую булочку, а я давно на диете... Рыжая стремительно удаляется, даже не дав как следует рассмотреть ее лицо, зато открывает мне умопомрачительный вид сзади. Я благодарю вселенную за то, что не зря пролетел почти три тысячи километров.

Церемония бракосочетания проходит мимо меня. Я даже не осознаю, что мой друг только что перешёл в разряд женатиков, потому что все время английской нудятины не отрываю взгляд от девушки-мечты. Пухлые губы, голубые глаза и маленький носик, задорно поблескивающий колечком. Уровень эндорфинов в крови зашкаливает, а ведь я стараюсь не опускать глаз ниже лица! Потому что, если дам слабину, и взгляд сползет-таки во внушительный вырез – потеряю сознание от перенапряжения прямо здесь.

Марк с невестой сваливают с собственной свадьбы, едва

начались танцы. И я могу его понять – тоже предпочел бы шалить в номере с красоткой, а не наблюдать, как "важные" гости потрясают жирами. А вот и моя нимфа... идет, нет, проплывает по залу с томной сексуальной улыбкой. Она дарит мне мимолетный взгляд и покрывается румянцем, отчего томление в моей душе, замешанное с предвкушением скорой победы, разливается горячей лавой.

Я шагаю к ней целенаправленно, быстро, ни на секунду не отрывая взгляда. Так охотник покоряет жертву – силой, мощью, напором. Она отворачивается первой, хорошо, рыжая, ты уже почти моя. Касаюсь ее плеча, едва дотрагиваясь кончиками пальцев, веду к оголенной шее, затылку, перекачиваю несколько шелковистых прядей на ладони. Девушка дрожит. Да, милая, скоро.

– Потанцуем? – почти касаюсь теплым дыханием ее ушка, действует безотказно.

– Простите, Илья Геннадьевич, я уже приглашена, – четко произносит она и вырывается из плена моей харизмы. В смысле? Мы что, знакомы?

Наблюдаю за ней со стороны, складываю два плюс два, мысленно даю себе подзатыльник. Ну, конечно! Подружка невесты, русская, это же та смешная блондинка из маркетингового отдела. Просто уже и не блондинка вовсе. Да и как я мог ее узнать в этом шикарном образе, когда в офисе она вечно замурована в безразмерные свитера? Если б я раньше знал, что скрывается под этим ее овер-сайз...

Делаю пару глотков крепкого виски, вот что-что, а на свадьбу папаша невесты не поскупился, и иду разыскивать рыжую нимфу. Так просто она от меня не уйдет.

Спустя пару бокалов, нахожу ее на танцполе в объятиях одного из английских приятелей невесты. Она широко улыбается ему, глаза светятся неприкрытым восторгом. Нет, нет, рыжая, не трать на него свое время, сегодня ты вся моя.

Хватаю очередной бокал с крепким пойлом и упускаю момент, когда нимфу перехватил следующий паж. Ему она улыбается сдержаннее, но не отталкивает, стоит ему плотнее прижаться к впечатляющим достоинствам. И во мне начинается закипать злость. Ты что творишь, рыжая, разве не ясно, что в конце вечера мы окажемся в одной постели?

Опустошаю третий и четвертый стакан и сразу принимаюсь за следующий. Рыжая не отстаёт, меняет партнёров, как перчатки. Откровенно флиртует с ними, кокетливо перекидывая копну огненных волос на одно плечо, оголяет сексуальные изгибы ещё больше. В мою сторону даже не смотрит.

Накажу. Как только окажется в моих объятиях – накажу.

Но стакан сменяется стаканом, в голове мутнеет, и вскоре я отключаюсь от реальности.

На утро в голове бьют барабаны, во рту – пустыня сахара, а сознание простреливает отрывочными воспоминаниями о минувшей ночи. Сексуальная рыжая в моих объятиях, я крепко держу ее, не давая упорхнуть. Потом жаркие поцелуи. И все, тьма.

Приснилось? Или было?

Глава 3. Из чего же, из чего же, из чего же...

Инна. Сегодня

– Инк, так что там по творожкам, мне результаты в презу вставить нужно! – вырывает меня из дум противный голос Кононовой.

– У меня стул сломался, я не могу сейчас тебе данные дать, – тем более, что они ещё не готовы, там, по правде сказать, даже конь еще не валялся, но это я, предусмотрительно, скрываю.

– Жрать надо меньше, – говорит тихо, но так, чтобы все услышали. И за это я ненавижу ее еще больше.

Мало того, что она не натуральная блондинка с самомнением Мэрилин Монро, так ещё и жучка редкостная, не преминет ткнуть в самое болезненное. И что в ней Хромов нашел? Почему как верная собачонка уже третий месяц за ней таскается?

Так, все, не думать о подлеце Хромове, сосредоточиться на опросе. Стул временно поменяла на Катеринин, которая свинтила в декрет еще несколько месяцев назад, но чье место до сих пор оставалось вакантным. Собственно, почему сегодня важный день – будет проводиться внутренний отбор

кандидатов на ее должность, и я подала заявку. Не все мне в младших специалистах сидеть. Но это после обеда, а до него ещё дожить нужно, и доделать чертову аналитику по творожкам.

– Гляньте, – снова подала голос Кононова. – И не боится же! – кивок в мою сторону.

– Да, наоборот, наверно, жаждет, – поддакнула ее вечная подружка Серебрякова и залилась звонким смехом.

Я сначала даже не поняла, по случаю чего устроен этот праздник "унизить Инну". Но увидев, куда устремлены взгляды всех дамочек в кабинете, смекнула – беременный стул! У нас в отделе о нем ходят легенды. Четыре девчонки, работающие на нем, ушли в декрет друг за другом. Ха! Я в безопасности, уж точно! С моим-то везением... Чего только стоила ночь свадьбы.

Две недели назад.

– Потанцуем? – горячий шёпот проносится электрическим разрядом по всему телу. Пальцы коварного мерзавца выписывают умопомрачительные круги у меня на затылке, вызывая сладкую истому и дежавю.

Сейчас я, слабая женщина, без постоянного прелюбодения, сдамся, а он...он... Знаем, плавали! Застегните ширинку, мистер, вам сегодня не обломится!

– Простите, Илья Геннадьевич, я уже приглашена! – стараюсь звучать твердо, и не смотрю ему в глаза, иначе он

сразу поймет, что от одного его взгляда мои мозги плавятся, как материнка без вентиляции.

Быстрым, уверенным шагом направляюсь к первому попавшемуся мужику. На счастье, им оказывается один из приятелей Ольги, которых она успела завести, пока думала, что Марк ее бросил. Судя по слюне, которая капает на его дорогой пиджак, от танца он не откажется. Фу, милый, только не забрызгай мне декольте!

Слюнявый оказался забавным и милым, и еще немного смахивающим на суслика. Но это же мелочь, да. Например, если принять нужную дозу игристого, и свет не зажигать... Ай, кого я обманываю! Не светит тебе, суслик, сорян.

Хромов, тем временем, не сводит с меня взгляд. Вспомнил? Или, наоборот, снова не узнал? И хлещет же вискарь, хлещет, глядишь, свалится где-нибудь под ухоженный королевский куст и замерзает на хрен. Декабрь, как-никак, хоть и Лондонский, а все равно пробирает.

Очередной кавалер оказался на пол головы ниже меня и волей-неволей, его взгляд упирался совсем не в глаза. Он лепетал что-то о ночной экскурсии по Тауэру, колесе обозрения и, не заметно для меня, перешёл к главному: у него шикарный вид из апартаментов! Подумать только, малыш, у тебя среди предков Наполеон не затесался, не?

Короче, вечер заканчивался огромным обломом и раздражением на саму себя. Ну, какого черта, Инна, какого лешего, тебе сдался этот Хромов? Да тут любой ушел бы с то-

бой только пальцем помани! Но нет, тебе же так не интересно, тебе задачку посложнее, чтоб страдать потом. Дура! Дура! Дура!

За самобичеванием и мысленным самоубийством, незаметно добралась до второго этажа. Картина, открывшаяся моему взору, была вполне ожидаемой. На полу, прислонившись спиной к двери, очевидно, своих апартаментов, сидело тело. А как иначе назвать напившегося до свинячьего визга мужика? Правильно, никак его не надо называть, надо пройти мимо, пусть завтра сам со своим приобретенным остеохондрозом разбирается. А застудит что-нибудь, так и поделом ему!

Уверенным шагом пробираюсь к своему номеру. Достая карту, открываю дверь и застываю на пороге с пожирющим чувством вины. Инна, мать твою, ну не вовремя в тебе проснулась вселенская любовь ко всему живому. Вспомни, что этот скот даже не узнал тебя после крышесносной ночи! Но мини-Инна с правого плеча не успокаивается, нашептывает: занеси его в номер, занеси его в номер.

Хрен с тобой, золотая рыбка.

– Это только ради спокойного сна и плюса в карму, понятно, Илья Геннадьевич?! – произношу вслух, и "тело" начинает отмирать.

Он откидывает голову назад и с минуту наблюдает за мной из-под опущенных ресниц. Затем расплывается в улыбке и тянет:

– Богиня...

Подлец. Ну, просто, негодяй. Даже в невменяемом состоянии клинья подбивает. Хотя надо признать, он хорош и в разобранном состоянии. Пиджака на нем нет, белая рубашка вольно растегнута на верхние пуговицы, ботинки аккуратно стоят рядом, а на ногах красуются самые нелепые носки, которые я видела – ярко красные, в ромбик. Его извечно уложенная блондинистая челка спадает на лицо, чуть не до самого кончика носа. И никогда, никогда он не выглядел сексуальнее!

Опускаюсь перед ним на колени, и ощупывают карманы, где-то должен быть ключ от его номера. Пока мои руки проходятся по карманам, он издает урчащие звуки. От чего меня накрывает приступом нежности к этому нерадивому созданию. Божечки, он же никому не нужен, сидит тут один, неизвестно, сколько времени, и никто даже не пытался ему помочь. Одна я – добрая душа, у которой уже давно вымощена дорога в ад.

В левом кармане пиджака оказывается нужный предмет. Вставляю карту в дверь, она с тихим щелчком открывается и почти бездыханное тело проваливается внутрь помещения. Громко вздыхаю, и похлопываю объект по щекам.

– Вставай, я тебя не подниму, скот! – говорю громко, сердито, чтобы очнулся.

– Богиня... – вновь тянет он, смотря на меня.

– Давай, шевелись, – легонько толкают его ногой. – Иди

на кровать!

— Слушаю и повинуюсь! — переворачивается на живот, становится на четвереньки и ползет к постели. Шут!

— Помоги раздеться, — низким голосом просит Илья.

Ещё раз вздыхаю, обдумываю, какая я идиотка, что помогаю этому бездарю, и шагаю к нему. Помогаю растянуть пуговицы на рубашке. Он лежит поперек кровати, так что мне приходится присесть возле него на колени. Его правая рука тут же обхватывает меня за бедра. Жаркая волна пронзает все тело. Я пытаюсь сбросить ее или отодвинуться, но у него на редкость сильная хватка для полубессознательного состояния.

Ещё мгновение, и он притягивает меня в свои объятия и припадает к губам в страстном поцелуе. Он такой теплый, мягкий, а запах многолетнего виски только раззадоривает меня. Возжу руками по оголившемуся торсу, вспоминаю, как он прикасался им к моей спине. Чувствую его руки на одной из самых выдающихся частей тела, которая уже не влезает в любимые джинсы, и неожиданно чувствую стеснение. Пытаюсь отстраниться от Ильи, но он, словно чувствуя мои внутренние терзания, шепчет:

— Ты такая сексуальная! Идеальная. Шикарная. Хочу тебя.

Внизу живота скручивается ответный узел. Я не сдерживаю себя и снова жарко целую его, очерчиваю губами его мужественные скулы, спускаюсь по шее, перехожу на грудь.

И в тот момент слышу храп. Забористый, душевный, со всей глубиной лёгких.

Скот. Какой же ты скот, Хромов.

Так некстати навалившиеся воспоминания рассеиваются, когда возле моего стола образовывается Кононова.

– Сделала? – с наездом спрашивает она, словно ее уже выбрали на место Катерины. Хотя да, она пока главный претендент.

– Сделала, – передразниваю ее. Не могу удержаться.

– Наконец-то, – закатывает она глаза. – Отправь на печать, я после обеда посмотрю. – Разворачивается на своих острых шпильках и легко поддев сумочку, направляется на выход.

Обед. Как быстро.

– Ин, а ты пойдешь? – спрашивает Машка, ведущий специалист и самая адекватная в отделе.

– Не, – говорю я грустно.

– Диета? – понимающе вздыхает она.

– Ага, – подтверждаю.

А что, и правда, диета, просто не продуктовая, а финансовая. Все бабло спустила на то шикарное алое платье для свадьбы, а оно так и не привело ни к чему хорошему. Вот и повод к Новому году уменьшится в объемах.

– На, держи мандаринку, – кидает мне оранжевый фрукт. – От него не поправишься.

Обожаю мандарины. Просто обожаю. Съедаю их кило-

граммами, нет, тоннами перед Новым годом. Могу питаться только ими и на завтрак, и на обед, и даже на ужин, пока пальцы не станут не отмываемо желтыми!

Но я была бы не я, если просто съела его...

Глава 4. О, этот вид!

Илья. Наше время

– Ну что, клоака, как вам работается без предводителя? – я хохотнул, заглядывая в отдел маркетинга, по уже сложившейся традиции.

Обвел взглядом кабинет, останавливаясь на пустующем столе Кононовой, которую никак не мог склонить к "продолжению банкета", после единственного раза, трехмесячной давности. Хотел было спросить, где пропадает дама моего сердца, но резкое "ай, черт", из-под соседнего стола, отвлекло внимание. Немного отступив в сторону, лицезрел отраду для глаз: большая, аппетитная, затянутая в облегающие джинсы пятая точка, топорщилась вверх, скрывая остальную часть своей обладательницы под пыльным столом.

Мысли о богине в алом платье, вероломно ускользнувшей из моих объятий всего неделю назад, заполнили все мысли, вытеснив из головы другие, менее интересные. Почему-то вспомнилась и та нимфа с ночного клуба, которая всю ночь пользовалась моим полубессознательным состоянием, а на утро сбежала, не оставив следа. У нее, помнится, тоже были впечатляющие достоинства. Все как я люблю. С такой можно и на неделю запереться в квартире, не надоест. Но любые попытки припомнить хоть что-то, кроме ее форм

и светлых волос, пахнущих кокосом, неминуемо заканчивались провалом. Может, оно и к лучшему, может, там крокодил нафотошопленный был, и кроме сисек и посмотреть не на что! Так что особо расстраиваться не стал, ведь в самом разгаре охота на Настену-здравствуй-третий-размер. Да и рыжая, как мне видится, объект не менее интересный, даже позадорнее, чем Кононова.

Чего только стоят ее... хм, глаза. Такие выразительные, притягательные, так и нырнул бы в них с головой! А колечко в носу? Катализатор фантазий: есть ли пирсинг в другом месте, может, в самом неожиданном, таком, что почувствуешь только при прикосновении? Ох, разыгралась фантазия, не остановить.

А внушительная филейная часть тем временем пятится назад, выбираясь из-под стола. Рыжая макушка приподнимается, девушка садится на колени, и в зажатой ладошке вижу дольки мандарин.

Непроизвольный хохот вырывается из меня. В ее нелепом виде столько очарования! Особенно, когда она поднимает взгляд, и в серых омутax я вижу удивление, которые быстро сменяется негодованием. Ее брови сходятся на переносице, а маленький носик морщится. С достоинством королевы она поднимается на ноги, забавно задирая голову, отчего тут же спотыкается о собственный стул и валится на меня. Это контраст гордой породы с грацией картошки необычайно интригует. Эту задорную девчонку хочется узнать, прощупать

и местами отшлепать, потому что выводит меня из равновесия при каждой встрече.

А рыжая, тем временем хватается ладошками за мой пиджак, пытаюсь сохранить равновесие. Едва устояв на ногах, одергивает руки, оставляя впечатляющие жёлтые пятна на одежде. Я смотрю на нее укоризненно, но в ее взгляде ни капли раскаяния. Усмешка, торжество, но никак не смущение. Вот же мандариновое несчастье!

– Может, извинитесь? – я загибаю одну бровь, используя свой фирменный негодующий взгляд.

– Конечно. Как вспомню за что – обязательно! – говорит решительно, а затем гневно перебрасывает свою косу за спину, проходясь ей мне по лицу и выходит из кабинета.

Ну и что это было?

– Она адекватная вообще? – задаюсь я вопросом вслух и неожиданно получаю ответ.

– Местами, – хихикает одна из девочек.

– Это все ее диеты нескончаемые доводят! – продолжает другая. – Так себя истязает, вот и сегодня на одной мандаринке весь день собирается работать!

– Ага, толку только, – зло цедит ещё одна.

Ох, девочки, не зря вас начальник клоакой прозвал, ох, не зря.

Молча удаляюсь из кабинета, прокручивая в мозгу новую информацию: рыжая пытается себя истощить. И зачем? Фигура-то офигенная! От воспоминаний о ее формах, обтяну-

тых алым шелком, мое настроение резко ползет вверх. Градусов на 180. Каждый чертов раз.

В раздумьях не замечаю, как наталкиваюсь на рыжую в коридоре. При виде ее побледневшего лица, вспоминаю и то, что она сегодня ничего не ела. План созревает мгновенно.

– Ну что, Мандаринка, ты мне должна. За пиджак придется расплачиваться! – улыбаюсь самой очаровательной из улыбок в своем не хилом арсенале.

– Илья Геннадьевич, вы же руководитель финансового отдела, вычтите из зарплаты, – совсем не падая в мои объятия, произносит она.

– Не, материальные блага меня не интересуют, – неспешно тяну, наблюдая за реакцией. Как я и думал, гнев, раздражение, ни капли раскаяния и страха.

– На нематериальные, у меня все расписано. Поставить Вас в очередь на февраль, Илья Геннадьевич? – цедит она, едва сдерживаясь.

– Конечно! Если тебе так хочется, то можно и на февраль. А сегодня оттрепетуруем. Пошли, рыжая, составишь мне компанию за обедом.

Не дав ей сказать и слова, направляюсь к кабинету маркетинга и подхожу к вешалке с верхней одеждой.

– Какое твоё?

– Я никуда с Вами не пойду, – шепчет, стараясь не привлекать внимания.

– Могу попробовать угадать, – усмехаюсь, перебирая

пальцами разношерстные пальто и пуховики.

– Перестаньте лапать чужие вещи! – не выдерживает и срывается. – Да что Вы за человек такой, никаких правил, никакого уважения к окружающим. Только "хочу", а остальное по барабану. А может, я не желаю с Вами никуда идти, может, у меня много работы, и вообще, парень есть! – выпалила на одном дыхании и замолчала, анализируя сказанное. Только я все заметил, все на подкорку себе записал: хочет меня.

– Тогда скажу всем, что мы переспали! – что я несу, Господи.

Но рыжая, видать, знатно испугалась. Часто задышала, и глаза забегали, сканируя помещение на предмет количества людей, изучив, побледнела ещё больше. Ага! Вот я и нашел твое слабое место, Мандаринка, – боишься сплетен!

– Ладно, – прошипела, отчего завела меня ещё больше. Протянула руку и выхватила с вешалки темно зеленый пуховик. Естественно, безразмерный. У нее нормальные вещи вообще есть?

В абсолютной тишине дошли до лифта, спустились вниз и вышли из бизнес-центра. Под локоток довел ее до своей машины, галантно приоткрыл для нее пассажирскую дверь и помог сесть. Но рыжую, похоже, не впечатлило. Одарила меня взглядом "я не беспомощная, придурок", и закатила глаза. Окей. На нее это не действует, я уже понял. Но следующий пункт в моем плане – гениален. Прокопаем путь к ее

сердцу старым добрым способом – через желудок.

"У Пьерино" было пусто. Всего один столик занимали солидные мужики в дорогих костюмах, всем своим видом говоря: деловой обед. Остальное помещение пустовало. Что не удивительно, ценник в заведении французской кухни кусался, бизнес-ланчи предусмотрены не были, а официанты ещё при входе окидывали изучающим взглядом, сканируя look, походку и даже взгляд. Хорошо натренированные бойцы сразу определяли, достоин внимания и высокого сервиса клиент, или можно одарить его холодным пренебрежением.

Сегодня у официанта случился диссонанс. Его приветливая улыбка слегка дрогнула, едва он посмотрел на мою спутницу. Но взяв себя в руки и, вернув на лицо маску почтения, радостно усадил нас за столик. Едва он скрылся, рыжая гневно зашептала:

– Ну и что я здесь делаю? Хотел поговорить – говори! Что за цирк.

– Не хотел я говорить. Я хотел пообедать в приятной компании.

– Ага, как же, – усмехнулась она, складывая руки на груди. Свитер натянулся и выделил прекрасные "глаза", в которые я залип, не прислушиваясь к тому, что она лепечет. Но следующая фраза вырвала меня из фантазий. – ...унизить хотел. Только мне пофигу. Можешь не стараться.

– Я просто хочу пообедать. Очень рекомендую салат ни-суаз и утку конфи, – перевел разговор. Она же нервная такая

из-за голодовки своей, вот, поест, как человек, и сразу станет благосклоннее. А там, может, на "кофе" обломится.

– Мне просто воды, – нервно сглотнула. Характер показывает.

– Глупости, – отмахнулся я. – Здесь шикарная кухня, не отказывай себе в удовольствии. – Обольстительно улыбнулся, ну чего кочевряжится? Ни одну женщину так не уламывал со мной пообедать.

– Илья Геннадьевич, вы же, вроде, глава отдела, считающего прибыли компании и выплаты сотрудникам?

– Допустим, – к чему это она?

– Так скажите мне, – подалась вперёд, укладывая весомые достоинство на столик перед нами. – Может ли младший специалист отдела маркетинга, позволить себе обед в таком месте?

Постойте, неужели думает, что... Чертов феминизм добрался и до России?

– Я же пригласил, значит, угощаю, не думал, что нужно это пояснять.

– Знаете что? – взвилась она, подсакивая. – Я компанию составила? Составила. Нематериально расплатилась? Расплатилась! Приятного аппетита.

Бросила в меня последние слова, словно вилку в грудь и убежала так быстро, что я даже ничего не понял. Я вообще ни хрена не понял.

Что это было-то?

Вздорная мандаринка! Ну что ж, готовься, на тебя объявлена охота. И тот, что с ружьём, будет беспощаден!

Глава 5. Не было печали...

Инна

Декабрьская слякоть – моя самая нелюбимая слякоть из всех существующих! Ведь положено – снег, морозец, хрусь-хрусь. А не вот это все безобразие. Особенно отвратительно шлёпать по грязным лужам в кедах – ну нет у меня сапог, а теперь и денег на них – добираясь до работы с пересадкой в две ветки, раздраженно убегая от невыносимого скота.

Благотворительностью он решил заняться! Ткнуть носом в свое превосходство, понимаешь ли! Откупиться за грехи! Думал, положит передо мной утиную грудку и все – плюсики в карму, забыли обидки, можно спать сладким сном!

Ну как же он отвратителен! Я ведь правда думала, что он не помнит меня, насвинячился-то знатно, а он, скот крашеный, все это время прекрасно знал, но предпочел игнорировать. Три месяца ни малейшего намека, ни полувзгляда, ни шевеления в моем направлении, а тут... Да что ему надо от меня?! К чему эти провокации "скажу всем, что мы переспали"?

В раздумьях о скотском блондине, перебежала дорогу до бизнес-центра, заскочила в лифт и только там поняла: уже три, начались собеседования. Черт бы ногу ему сломал, этому не хорошему человеку. Надо же ему было дёрнуть меня

именно сегодня! Если меня уже вызывали, а я там... блин, единственный шанс за два года работы я упустить не могу.

Кононова восседает на своем стуле королевой. Вокруг нее верная свита из девчонок заглядывает ей в рот и капает слюной поклонения, предполагая, что скоро именно она станет боссом. Та заливается ручьем в своем неприкрытом эгоцентризме: и на вопросы она все ответила, и вырез вовремя открыла, а уж как Штерн хвалил ее достижения!

Стоило появиться в кабинете, меня одаривают скептическим взглядом "вот неудачница" и закатывают глаза. Стремглав несусь к рабочему месту, и да, пропущенный вызов от HR с минуту назад. Отлично. Шанс успеть ещё есть. На подготовку нет, и на позитивный настрой нет, но шанс все еще теплится.

Хватаю флешку с подготовленной презентацией и несусь в конференц-зал. Кеды противно хлюпают, волосы после шапки – пакли, прилипшие к черепушке, подмышки взмокли, хорошо свитер черный, не видно предательских пятен. Буквально влетаю в помещение и ошарашенно плююсь на целую комиссию в лице директора, HRa и конечно, как же могло быть иначе с моим вселенским везением, – Ильей-ском-Хромовым.

"Что, утка не пошла?" – хотелось съязвить, но стресс не дал наделать глупости, и, наверно, впервые в жизни, помог удержать язык за зубами. Гордо поднимаю голову, как учили нас на одном тренинге по личностному росту, бодро здо-

роваюсь "добрым днем", широко улыбаюсь и иду к цели. А именно к столу для презентаций. Нашим кейсом для второго этапа собеседований было создать рекламную компанию для электрических газонокосилок. Зимой. В Москве. Но я вложила весь свой креатив в рамки заданного бюджета. Ну что ж, ни пуха мне, ни жестянки!

С блеском даю вводную, уверенно держа взгляд на членах комиссии, даже чертова Хромова не обделяю вниманием, ведь он одно из лиц, принимающих решение! А затем начинается магия.

В приглушенном свете конференц-зала, яркими красками вспыхивает экран проектора. Появляется рисованный ролик, созданный минимальными графическими инструментами: небезызвестный мальчик остается один дома на Рождество, в его дом забираются грабители, а он расставляет для них ловушки. Все, кроме одной, той, где газонокосилка падает сверху и остригает одного из злодеев, потому что газонокосилки в их доме просто нет. И коварные бандиты, не сдерживаемые препятствиями, добиваются до мальчика. Финальная сцена – Кевин кричит и экран гаснет. Белые буквы на экране гласят: не будь, как отец Кевина, позаботься о безопасности своего дома. Затем голос за кадром: готовь сани летом, а газонокосилку – зимой.

По окончании ролика, в помещении стоит тишина. И хотя проходит не больше минуты, клянусь, я успела посчитать удары своего сердца и трещины в панелях на потолке. Пыта-

уюсь угадать реакцию комиссии, но их лица словно изваяния – ни намек на живой интерес. Ну, отлично, я ввела в кому сразу трех человек! Неожиданно раздавшийся голос HR пугает, и непроизвольно я подпрыгиваю на месте. Слышу тихий смешок от нерадивого директора по финансам, сквозь слова:

– Инна, спасибо за проделанную работу, в случае положительного решения, вы получите приглашение на третий этап собеседования. Пока можете быть свободны.

– Спасибо, – лепечу без энтузиазма, хотя стараюсь держать улыбку на лице, и выхожу за дверь. В спину раздается громкое:

– Это же полный... – последнее слово отрезает захлопнувшаяся дверь, но и так понятно, что имел в виду человек, имеющий лишь одну цель в жизни – тревоугодие и прелюбодеяние. Вот скот.

Весь энтузиазм, еще недавно поддерживающий меня на плаву в сложный период моей жизни, спадает на нет. Я прекрасно знаю, что означает лояльная фраза "в случае положительного ответа". Не будет никакого ответа.

Кеды все так же противно чвакают по вымощенному плиткой полу, но теперь в разы громче, освещение в коридоре офиса кажется слишком ярким и радостным, а лица, встретившие меня в родном маркетинге, пренебрежительно-снисходительными. Именно в этот момент я понимаю, в какой дикой жопе моя жизнь. Это уже не просто черная полоса, это

задний проход полосатого зверя. И просвета не предвидится.

Глава 6. Почему так жесток дождь?

Инна

Я люблю свою работу. Нет, правда, мир маркетинговых исследований очень увлекателен, иначе, где бы я узнала столько уникальной, – и бесполезной – информации? Например, что женщины от 35 до 50 лет предпочитают провести вечер в кругу семьи, нежели, скажем, в театре или на выставке. Или, что российские граждане категорическим лидером среди охлаждающих напитков считают квас. А вот, что мужчины, в большинстве своём, никогда не покупали сами себе нижнее белье – удивил. Ну, вы представляете, из рук мамочек они сразу попадают в заботливые руки жен, которые, видимо, не заморачиваются над подарком на 23 февраля.

Маркетинговые исследования очень интересны. Но мне хочется большего. Например, я уверена, никто в отделе и не вспомнит, что по образованию я дизайнер компьютерных игр. И что за плечами еще имеется курс смм-рекламы. Никто даже не подозревает, как я владею таргетингом/ретаргетингом в социальных сетях. Им и невдомёк, что блондинка с соц. опросов на многое способна!

Тупо пялюсь в комп, достигая уровень "бог" в mine "я дико занята". Черт! А ведь такой шанс был с этим декретным местом! Может, у меня нет опыта работы с заказчиком на-

прямую, и сама я никогда не создавала кампании с нуля, но это не мешает мне гореть идеями! И искренне желать развиваться, реализовывая весь этот космос в моей голове. Да, именно так я бы и сказала на личном собеседовании! Пусть, слегка самоуверенно, но это ж правда, на фантазию я никогда не жаловалась. В отличие от Кононовой, которой надо на ее накрахмаленной блузке вышить: "Не все блондинки дуры, но все дуры, почему-то, блондинки". Не могу, сказать, что она совсем не далекая, выходит же у нее превращать нормальных мужиков в собачек на привязи, но широтой мышления за отпечатанными на подкорке шаблонами она похвастаться не может.

В очередной раз оглядываюсь на главную претендентку, которая аккуратно, двумя наманикюренными пальцами набирает текст на клавиатуре и негодую ещё больше. Свежий маникюр для нее важнее оперативного набора текста! Громкий вздох вырывается произвольно. Почему же не я?

Конечно, у меня не слишком успешная репутация, и этот мой не сдерживаемый язык... Но будем реалистами, внешние факторы, в лице крашеного скота, Ильи Геннадьевича – недочеловека – Хромова, сложились против меня! Если бы не его шантаж, я спокойно подготовилась к презентации, если бы не глупые провокации – не вышла из себя и не поперлась на метро, если бы его не пригласили в комиссию, мне бы дали шанс. Но с этим "да это же полный...", реакция остальных итак ясна. Жаль, дверь рано закрылась, не услышала,

каким именно словом он определил мою двухнедельную работу. Отстой? Идиотизм? Бред?

Выхожу с работы в самом негативном из настроений. Кажется, попадись мне сейчас мужчина – огрею с ноги. Причем любой мужчина. Знаю я их, немало повидала, все как один – скот на скоте. От свиньи до барана. Протрясти бы им мозги, промыть, проветрить, чтобы поняли: не весь мир крутится вокруг и нельзя вот так запросто, одним словом или решением уничтожать мечты и чаяния другого человека.

На улице дождь с мокрым снегом. Ледяной ветер задувает под пуховик, пробирая до костей. Под ногами глянцевая поверхность – красивая, темная, опасная. Замечательно, только гололеда для моих мокрых осенних кедров и не хватало.

Злюсь на погоду, жизнь, себя, но особенно, на Хромова. Поднимаю глаза – а вот и он – помяни черта! Стоит возле машины, а рядом с ним уже крутится Кононова, понятно, для кого она вырез приоткрывала. Жметесь к нему, улыбается, хочет любыми путями себе повышение выбить. А вот уж фигушки, дорогая! Не уступлю я тебе!

Злость набирает нешуточные обороты, перекрывая любые попытки мозга взбунтоваться. Несусь со скоростью света по ступеням бизнес-центра, левой рукой стараюсь придерживаться за перила, но ноги все равно предательски раздвигаются. Понимаю, что сейчас эта сладкая парочка сядет в машину – и прощай последний шанс. Истошно ору:

– Стой, скот! – на мое удивление, Хромов оборачивается

на мой вопль. И именно в этот момент я чувствую подозрительную свободу в правом кеде, холод и влагу. Рука скользит по перилам, и я понимаю, что столкновения с землёй не избежать.

Удар вытрясает из меня весь дух. Первые секунды шока я даже не ощущаю, что у меня что-то болит. Просто лежу на ступенях, анализируя произошедшее, и плююсь в чёрное небо. Резкая боль простреливает левую руку, и я не могу сдержать стон. Тут же на фоне мрачного покрова появляется блондинистая голова.

– Ты как, Мандаринка, жива? – спрашивает он заботливо.

– Рука, – шепчу я. Наверное, надо всплакнуть, но глаза предательски пусты, возможно, они тоже шокированы резкой сменой картинки, и мозг пока не передал им сигнал опасности.

– Встать сможешь? – тревожно спрашивает Хромов.

Качаю головой, не в силах произнести и слова. Боль пронзает теперь не только руку, но захватывает горячей водой и спину, и голову.

– Да вызови ей Скорую, и все, – слышится нетерпеливое за спиной блондина.

– Я сам ее отвезу, – говорит твердо, отчего я еще больше теряю дар речи. С чего бы это? Променяет горячую ночьку с давним объектом своих воздыханий на непутевую меня в загруженных коридорах травмпункта?

Но Илья Геннадьевич решительно присаживается возле

меня на одно колено, намочив при этом модные брюки, и с лёгкостью приподнимает на руки. От ужасного смущения прячу лицо на его груди, в теплом мягком кашемире. Невольно, от моих собственных терзаний, предательская слеза все-таки скатывается по щеке. Не потому, что очень больно или страшно, а от стыда. Столько людей видели, как я растянулась, пуховик весь в грязи, а кед на правой ноге предательски разорван, оголяя дырявые колготки. При всем при этом, высокий, хорошо одетый мужчина, тащит меня, непомерную ношу, в салон своего модного авто.

– Очень больно? – заметил все же мои слезы и думает, что реву от боли.

Мотаю головой, все еще не произнося ни слова. Удивительное для меня состояние: кажется невозможным открыть рот и начать извергать звуки.

– Знаешь, Мандаринка, надо почаще тебя прикладывать головой, с закрытым ртом ты нравишься мне гораздо больше! – ещё и шутит, скот.

Думает, такой из себя весь прекрасный принц, спас нерадивую принцессу. А вот и нет, Илья Геннадьевич, вы – просто конь, из-под зада королевского происхождения, вынужденный тащить тяжкий груз. Ни больше, ни меньше.

В салоне машины я пытаюсь снять с себя куртку, но от резкой боли в левой руке невольно шпилю и оставляю свои попытки. Пусть пачкается, хотела же отомстить, вот и возможность. Это, конечно, не сравнится с трехмесячным игно-

ром, но ударит по карману, уж точно. Слегка елжу на сидении, стараясь втереть грязь с куртки поглубже в обивку, на тебе, скот, на!

Блондин наблюдает за мной с приподнятой бровью – ох уж эта его бровь – и не произнося ни слова, заводит машину.

– Сейчас отвезу тебя в частную клинику, тут рядом, там без очереди примут.

– Не надо в клинику, вези в травмпункт! – испуганно кричу я. Не хватало мне только счетов за больничные расходы, с пятьюстами рублями на карточке.

– Да там нормальная клиника, тебя осмотрят и без полиса, – не понимает он моих возмущений.

– Я сказала, вези меня в травмпункт! – гневно ору на него.

– Хорошо, хорошо. Боже, женщина, ты реально не адекватная.

На этом наша маленькая перепалка не заканчивается. Как только мы подъезжаем к больнице, Хромов пытается снова взять меня на руки, но я отчаянно отбиваюсь от него. Потом будет мне претензии предъявлять: я из-за тебя спину надорвал, грыжу заработал... Знаем, плавали. И как бы унижительно не было, вылезаю из автомобиля и, прихрамывая, направляюсь ко входу. Порванная обувь тут же даёт о себе знать и сковывает пальцы на ногах ледяной водой. Я с ужасом смотрю на кеды. Правый эпично отошёл от подошвы, создавая эффект "пасти крокодила", и мои колготки светят

огромной дырой на большом пальце.

Поднимаю взгляд и вижу ошарашенное лицо Хромова, который наблюдает тоже, что и я. Без лишних слов и сантиментов, совершенно не слушая то, что я гневно ему высказываю, подхватывает меня на руки и несет ко входу.

– Это ж какие куриные мозги надо иметь, чтобы в декабре в летней обуви шастать, – произносит тихо, но сердито.

– Осенней! – гневно произношу я, надувая щеки, совсем как в детстве, когда обижалась на Пашку, своего извечного друга по проказам. – Они с утеплением! – не знаю зачем, добавляю я.

Что этот мужчина делает со мной? Почему в его присутствии я становлюсь непроходимой идиоткой? То туплю, то скажу что-нибудь невпопад, то вот, веду себя как дитё малое.

В приемной травмпункта на нас смотрят скептически. Мол, и чего припёрлись, раз кости из кожи не торчат? Но, глубоко вздохнув, заводят карту и говорят: "ожидайте, врач вас вызовет". Только то, что ни через час, ни через два этого не произойдет, они не говорят. Очередь, длинной с китайскую стену, оптимизма не придает. Мы за время ожидания раз двадцать успели поцапаться. Из-за обуви, моей неуклюжести, его надменности и ещё тележки причин. В конце концов, Илья Геннадьевич не выдерживает и, молча встав, покидает меня в коридоре одного из самых страшных мест, где мне довелось побывать.

Рука неприятно ноет, отзываясь тупой болью до самого

позвоночника. А один из пальцев распух до размера вселенной. Мне больно, обидно и нестерпимо одиноко сидеть тут одной. Я ужасно жалею, что в очередной раз не смогла сдержать свой поганый язык, и довела единственного человека, готового мне помочь, до молчаливого ухода.

Вот ты дура, Инна. Вот язык без костей! Сиди теперь здесь и думай, как будешь домой добираться.

Очередная одинокая слеза обжигает левую щеку.

Глава 7. Женщина, желающая угодить

Илья

Сумасшедшие женщины – не тот типаж, который меня привлекает. Спокойные, размеренные, элегантные, знающие себе цену и, безусловно, немногословные, – вот пример идеальной спутницы жизни.

И пусть мой образ жизни совсем не кричит о том, что я мечтаю остепениться, это так. То есть, все эти игры, охоты и веселые ночки с незнакомками очень притягательны, но когда твой последний холостой дружище сковывает себя узами "долго и счастливо", и при этом его лицо светится космическим восторгом – поневоле затоскуешь.

Моя мама всегда говорила: Илья такой хозяйственный, такой добрый, такой целеустремлённый, он женится первым! А в итоге: ни первым, ни вторым, ни даже пятым среди многочисленной родни. Даже закоренелый холостяк дядя Володя, все детство твердивший мне: "бабы – зло", под полтос не выдержал и женился. И брат, на пять лет моложе, а уже двое детей. И даже племянник, которому только восемнадцать стукнуло – туда же! Люблю, говорит, не могу, умру без нее, женюсь. А то, что ни образования за плечами, ни ма-

ломальского заработка – вообще не волнует!

А я что... Все считал, что сначала отучиться надо, на ноги встать, квартиру, машину, достаток, чтоб не семеро по лавкам и 24/7 работать на еду. Да и девушки подходящей не встретилось: были и умные, и самодостаточные, и молчаливые, и "полный комплект". А ни одна не оставалась. То "давай останемся друзьями", то "не екает, прости", а было даже "я замужем вообще-то, просто с тобой отдыхаю от брака". Идиотизм какой-то.

И Кононова та – ну, хороша же! Все при ней: и чувство собственного достоинства, и сдержанность, и красота. Все как мне нравится – блондинка, с естественными формами и умным взглядом. И та – морозится. Уже чуть ли не ее верный щеночек: привези, купи, развлеки. А на любую близость, свое решительное "не будем спешить". Куда уж медленней, стерва? И, главное, у меня уже все остыло давно, перегорела лампочка Ильича, просто закрыть гештальт нужно – добиться и все тут. И ведь все карты у меня на руках: сегодня, едва увидев меня в комиссии, ее взгляд загорелся, а вырез на полупрозрачной блузке распахнулся сильнее. Наивная, думает, я там что-то решаю. Хотя им просто нужен был сторонний наблюдатель, который оценит презентации с потребительской стороны, не более.

Каково же было мое удивление, когда я услышал заветное: может, поужинаем, а потом к тебе? Первым желанием было оторваться на ней по полной, за несколько месяцев пользо-

вания, а под утро отправить на такси домой. А потом тошно стало от одной только мысли об этом. Какой бы стервой не была, нельзя так с женщинами. Мама бы вообще не одобрила! Да и не стоит у меня на нее больше. Перед глазами теперь другая девушка – нимфа с божественными изгибами и рыжей копной.

Вот и смотрите, к чему меня это привело: вместо романтического ужина и теплой женщины, желающей мне угодить, стою в холодном коридоре городского травмпункта, пью отвратительную черную бурду из автомата и терплю несносную Мандаринку. То есть терпеть мне категорически надоело, и я отправился прямо в кабинет врача, вызвал того на разговор и сунул хрустящую оранжевую купюру в халат. Следующей в кабинет пригласили рыжую сумасшедшую, и хотя она не знает, что это благодаря мне – кабинеты хитро расположены, она меня просто не видела – на душе радостно.

Может, она такая озлобленная из-за боли? А может ПМС или бесконечные диеты? Хотя судя по ее обуви, она просто неадекватная. На всю голову шандарахнутая! У нее и взгляд все время такой, словно представляет три тысячи вариантов моего убийства. Но не за что ведь. Точно ку-ку. Доставлю ее до дома и хватит с меня этих мандариновых приключений. Ну ее в баню с веничками, пусть хоть голая сама на меня запрыгнет, не стоит оно того геморроя, что я с ней приобрету.

Неожиданный крик из-за двери доктора сжал все мои внутренности. Что с ней там делают? Или она и врача до-

пекла своим незакрывающимся ртом? Спустя минут пятнадцать, появляется и сам источник болезненного звука. Лицо белое, глаза красные, на левой руке повязка, отчего она не может надеть пуховик. Подхожу к ней осторожно, как к раненому зверю, чтобы не спугнуть, а то накинется сейчас от страха, вцепится острыми зубами в горло, и поминай, как звали, Илья Геннадьевич.

Осторожно беру ее за плечи, накидываю пуховик на раненную руку, слегка поглаживая предплечья. Она оборачивается, и я готовлюсь к очередной словесной атаке, но в ее взгляде только страдание и благодарность.

– Спасибо, что не уехал, – почти шепчет, и чувствуется, на грани слез.

– Сломана? – киваю на перевязанную руку.

– Палец вывихнула. Средний. Глянь, – уже улыбается, поднимая кисть. Заботливый доктор сделал все, чтобы фиксирующая повязка выглядела как большой жирный фак.

Непроизвольно смеюсь, только с Мандаринкой могло такое произойти! Она смеется вместе со мной, хотя две одинокие слезы все же выкатываются из ее серых глубоких глаз.

– Больно было? – вытираю ее щеки костяшками пальцев и поражаюсь теплоте чувству, что разливается в груди. Рыжая сейчас выглядит совсем не сумасшедшей амазонкой, готовой пикировать словами и, уверен, при необходимости, кулаками, а скорее, как маленькая неуклюжая девочка, за которой жизненно важно следить, иначе разбитых коленок не

оберешься. И почему-то мне страстно хочется быть тем, кто будет о ней заботиться?

– Очень, – шепчет она, прикрывая глаза. А я уже забыл вопрос. Потому что перед глазами ее теплый искренний взгляд, наполненный чувствами, и никаких масок самодостаточной женщины, или веселой болтушки. Я смотрю на ее губы, и они манят меня. Наверное, они и на вкус как мандарины – сочные и с кислинкой.

Нежные, алые, полные. К ним хочется прикоснуться, забиться благодаря им, кайфануть, как от дозы.

Но я не делаю этого, отстраняюсь на полшага, стряхиваю с себя наваждение и застегиваю на ней пуховик, оставляя травмированную руку внутри. Не знаю, чего хочу. В один момент – прибить ее, в другой – сжать в объятиях, сначала бросить ее тут и никогда больше не видеть, а потом увезти к себе и... Нужно проветрить мысли, обдумать все рационально, понять, что будет правильно. Продолжить охоту? Остановиться, пока она не разрушила мой рассудок?

Искать правильный ответ снова придется на дне бокала с янтарной жидкостью. Жаль, рядом нет друга, готового разложить все по полочкам.

Когда помогаю ей садиться в машину, вижу жуткие грязные разводы на бежевой обивке пассажирского сидения, и сердце невольно пропускает удар. Только из чистки! Так вот, что это были за ритуальные танцы, которые она устроила по дороге сюда. Ну точно, психичка! Бросить, определенно бро-

сить и никогда больше не вспоминать. Даже в маркетинг заходить перестану!

Гневно смотрю на нее, желая испепелить это неадекватное создание, а потом вижу – дрожит. Вроде не холодно... Но потом взгляд скользит по ее ногам, и я все понимаю. Конечно, в разорванной-то обуви. И молчала же, шла спокойно, я даже не вспомнил. Господи, ответь мне честно, ты испытываешь меня? Эта рыжая послана, чтобы мучить меня при жизни, а после я попаду в ряды апостолов? Иначе я не знаю, как объяснить это несчастье, свалившееся на мою голову. Особенно после слов: в Котельники, пожалуйста.

Мать твою, ближний свет. Может, хоть на кофе пригласит, на всамделишный? А ещё лучше, ужин. Есть хочется дико. За тот эпичный обед так и не поел, сразу обратно в офис ломанулся, даже надеялся перехватить по пути Мандаринку, но она шустрая, не догнать.

Рыжая молчит. Прикрыла глаза, и в тепле салона, кажется, заснула. В стационарном состоянии она очаровательна. В очередной раз поражаюсь ее миловидному лицу. Ресницы густым веером лежат на молочной коже, пухлые губы чуть приоткрыты, а колечко в носу просто сносит мне мозг! Раскусить бы эту Мандаринку, а то ни фига не понятно – сладкая или будет кислить?

– Просыпайся, рыжая! – расталкиваю ее. – Твой дом?

Серый взгляд с сонной поволокой поднимает мое нижнее настроение на пару градусов. Да что за магия такая в этой

сумасшедшей?

– Да, мой. Спасибо тебе... Илья, – видно, что ей сложно даются эти слова, особенно произнести мое имя, кажется, я впервые слышу его из ее уст. И мне охренеть, как нравятся ее мягкие согласные.

– Может, покормишь меня, раз вез в такую даль? Скажешь спасибо материально.

– Ещё чего! – глаза вспыхивают уже привычным негодованием.

– Под покормить я имел в виду исключительно еду, пошлое ты создание. Так что, ужин?

– Илья Геннадьевич, я живу не одна, и уж точно не собираюсь вас знакомить! – говорит, как режет – четко и метко. Вылезает из машины и громко хлопает дверью. Если бы не знал, что не за что, подумал – мстит. Сначала сидение, теперь дверь. Явно знает, как мне дорога эта машина.

Смотрю, как она сердито шлёпает по лужам, слегка морщась, и усмехаюсь. Хм, интересно, так мифический парень, о котором она говорила, действительно существует?

Глава 8. Кот, кед и бывший

Инна

Бывают плохие дни. Бывают отвратительные. А бывают такие, словно тебя кто-то проклял, черная кошка перешла дорогу, а баба с пустым ведром шандарахнула тебе им же с размаха. В мою личную летопись этот день внесен как "черный понедельник", и не потому, что урвала скидосы, или привалило денег, а потому что чернее уж быть-то не может!

Собеседование провалено, обувь испорчена, палец травмирован. Теперь даже пальцев на руках не хватит, чтоб загибать, перечисляя все подножки судьбы за последнее время. Ха-ха, планеты, вы окончательно сошли с намеченного курса и творите жесткий беспредел!

Наливаю горячую ванну, разбавляю в ней остатки шампуня, чтоб сделать пену выше головы – надо не забыть завтра прикупить новый – и с наслаждением погружаюсь на дно источника удовольствий. Левая рука с поврежденным пальцем остаётся за бортом, волосы неуклюже собраны в пучок, оставляя то тут, то там, длинные пряди, облепившие шею, но мне все равно хорошо. Принять ванну – это же лучше психотерапии! Только подумайте: стоит минимальных вложений, находиться здесь можно сколько угодно и всегда, всегда выходишь обновленной.

Глубоко дышу, пытаюсь отбросить все невзгоды сегодняшнего дня подальше, закрываю глаза в неге, напеваю дурацкое:

Вы меня все зае...

Я хочу на Бали

Там море тус

Увидите меня на Дип-хаус

Я здесь усну и там проснусь

Вы меня все зае...

Я хочу на Бали

Почему-то последние строки выходят особенно душевно, особенно, когда нервный сосед снизу начинает колотить по трубе и орать: заткнись уже, припадочная! Отчего только вдохновляет меня прибавить громкость в свой "в детстве на ухо медведь наступил" и, перегнувшись через край ванны, горланить почти в пол. Сергей Викторович, наслаждайтесь! За все ваши вечерние приходы, "я сейчас полицию вызову" и бедного кота, которого вы оставляете на несколько дней в одиночестве, истошно вопящим на весь подъезд.

Вы меня все зае...

Я хочу на Бали

Рекой алкоголь

Увезите меня на Дип-хаус

Не везите меня домой!

Да простит меня мама, учитель русского языка, за эту дичь. И спасибо тебе, Аля, девочка-подросток с верхнего этажа за ликбез по современной попсе! Вот бы ее подселить

поближе к Сергею Викторовичу, понял бы тогда, как ему с соседями сверху повезло, и перестал шастать к нам, как к себе домой, и батареи в ванной, глядишь, были бы целее!

О, а вот и звонок в дверь. Пришел-таки разбираться. Ну, ничего, я сейчас этому престарелому барабанщику устрою шоу. Вылезаю из ванны, на голое тело натягиваю халат, но не просто халат, а "халатик" – неприлично короткий, кружевной, оставшийся с лучших времён, а именно гражданского брака, так и не переросшего в официальный. Одним уверенным движением распускаю волосы, оставляя их распущенным каскадом обрамлять силуэт. На мысочках крадусь к двери, представляя себя, по меньшей мере, Шерон Стоун из "Основного инстинкта". Резко распахиваю дверь, в надежде ошарашить неадекватного соседа и отбить охоту шастать к нам по любому поводу. Но ошарашенной оказываюсь именно я.

Ибо на пороге стоит Андрей. Да-да, тот самый, несостоявшийся жених, отменивший торжество за неделю до оно-го, и вероломно попросивший меня "временного перерыва", который затянулся аж на год с двухмесячным хвостом. Судя по его взгляду, он тоже слегка удивлен моему эффектному появлению. Ну как, слегка. Дар речи потерял, челюсть тоже, разве что на ногах еще стоит, засранец. Осел недоделанный. "Чё приперся?" – спрашиваю мысленно, а на деле принимаю самую соблазнительную позу и томно выдаю:

– Ой, а я думала это другой, – и глазками луп-луп, на него

всегда действовали эти дешевые спектакли с дурочкой-блондинкой. Стоп, я же уже не блондинка даже! Переходим в режим стервы-рыжей!

– И? – резко меняя тон обращения к нему, киваю головой, мол "что надо-то, ослик-недорослик"? А недорослик, потому что похвастаться метрами он не мог, а я, со своими метр шестьдесят пять, не могла носить каблуки, не выделяясь на его фоне.

– Инна?! – то ли вопрос, то ли утверждение.

– Дверью ошибся? – помогаю ему собрать мысль в связный слог.

– Нет, я... Я... Можно я войду?

– Нет, – говорю решительно, складывая руки на груди и взгляд бывшего тут же опускается до уровня "уверенной четверки". Все вы одинаковые, даже ты, белый и пушистый в начале, оказался непроходимым...

– Инна, ты сменила номер? – спрашивает наконец.

– Нет, – все также односложно и резко.

– Я звоню, но "Абонент временно не доступен" уже который месяц. И вот, решился прийти, – смущенно пожимает плечами.

Андрей вообще никогда не отличался мужским началом, харизмой или инициативностью. Он мягкий, как тесто для лепки. Что меня, в принципе, никогда не смущало. Я была ведущей в паре, он ведомым, моей активности и коммуникабельности с лихвой хватало на двоих и обоих это устраи-

вало. Пока не прозвучало сакральное: Пышка, прости. Вот, ещё один жирный косяк Андрея, он считал дико остроумным называть меня "пышкой", и это при стандартном сорок четвертом! Что же он придумает теперь, когда формы реально стали пышными? Пончик? Батон? Каравай??? С его плоской сисадминской фантазией станется!

– И? – не сдаюсь я, все из него клещами вытаскивать приходится.

– Я поговорить хотел, может, пустишь, а? На пороге-то стоять, голой... – ох ты ж заботливый.

– Ну, заходи.

Оставляю его раздеваться в прихожей, сама направляюсь на кухню, ставить чайник. За гостя не волнуюсь, он мой дом как пять пальцев знает, куда что повесить, где тапочки взять, шесть лет, как-никак, были вместе. Хотя его гостевые тапочки, заботливо купленные моей мамой "для Андрюшеньки", я выкинула еще год назад, как только поняла, это расставание не временное. Ослина.

Проходит на кухню, несмело оглядывается и садится на стул у окна, его любимое, некогда, место. Ставлю перед ним чашку чая с бергамотом, который он терпеть не может. Смотрю, как кривится его лицо, когда он делает первый глоток.

– А можно сахар? – смотрит в глаза, словно не сахар просит, а прощения.

– Нет, – отрезаю я. Мучайся, гад, пей противное не слад-

кое пошло, мелкая месть, конечно, но на душе все равно хорошо!

– Иннок, я скучаю, – замолкает и глядит на меня как щечек побитый. И чё? Так и хочется выпалить тираду о его скотском поведении и моей ненависти к нему и всему мужскому роду.

Но молчу, не буду упрощать ему задачу. Только эротично закидываю ногу на ногу, оголяя бедро дальше некуда. Взгляд недорослика опять блуждает по мне.

– Ты очень изменилась. Но блондинкой ты мне нравилась больше, – улыбается, думает это что? Комплимент?

– И? – уже раздраженно поторапливаю его.

– А что с рукой?

– Ближе к делу, Андрей, день сегодня тяжёлый, и ты ему лёгкости не придаешь.

– Послушай, тут родители купили мне квартиру... нам купили.

– В смысле нам? Мы расстались больше года назад!

– Я это... родителям не говорил, сказал, мы решили со свадьбой подождать просто. Они же тебя так любят.

Молча поднимаюсь с места, выхожу в другую комнату и начинаю истерически смеяться. Это какой-то приколы? Боже, дай мне сил. На что Андрей рассчитывает, появившись спустя столько месяцев и говоря всю эту дичь? Его родители, видите ли, меня любят. Даже не хватило ума самому признаться в пылких чувствах. Небось, родители насели на него

с женитьбой, а кандидатуры не нашлось, и вот... Здравствуй, Инна, прошлый год!

– Пышка, ну ты чего? – удивленное лицо появляется на пороге комнаты.

– Ой, не могу я, Живило, – фамилию у осла знатная, мещанская, да. – Все, тебе пора.

Разворачиваю его в направлении двери и даю вектор.

– Давай-ка, собирайся и улепетывай на все четыре стороны, откуда ко мне дорогу нашел. И с бредом своим больше не приходи. С родителями сам разбирайся, это уже не мои проблемы. А я занята! Видишь, – окидывая себя рукой. – Ждала гостя, а тут ты.

– Но... – пытается что-то вставить, а я не даю.

– Живей, Живило! – о, как каламбурно вышло, надо запомнить, хотя нет, не надо. – Искренне надеюсь никогда больше не лицезреть твое сисадминское лицо.

Едва он втиснулся в ботинки, хватаю его куртку, открываю дверь иставляю с вещами за порог. Там оденется.

Мне только кажется или моя жизнь действительно превратилась в калейдоскоп непрерывного треша? Сажусь на пуфик в коридоре, пытаюсь прийти в себя, после только что пережитой сцены. Невольно кидаю взгляд на порванные кеды – единственную обувь, некогда пригодную для носки в демисезон, пока не выпал снег. Итак, на счету пятьсот рублей, зарплата только через четыре дня, а носить мне нечего. Чудесно. Надо было хоть с Живило взять денег за моральный

ущерб. А почему бы, собственно, и нет?!

Резко открываю входную дверь, осла уже нет, но далеко он вряд ли ушел. Ору на всю мощь: Андрей!

Слышатся быстрые шаги по лестнице, и через пару секунд появляется лицо, освещенное надеждой. Обломись, Живило.

– У тебя пара тысяч есть с собой?

– Есть, – недоуменно пялится на меня.

– Дай, – протягиваю к нему руку.

Он сводит на переносице брови, как делает всегда, когда упорно размышляет, но все же тянется к карману джинс и достает портмоне. Открывает, и я вижу, что там лежат несколько тысячных купюр и одна заманчиво оранжевая. Аккуратно вытаскиваю ее пальцами из кошелька бывшего и говорю:

– Отдам с зарплаты, не ссы. Приходи через четыре дня! – и захлопываю дверь прямо перед носом шокированного мужчины.

Конечно, отдам, не надо мне его подачек. Если осмелится снова прийти, конечно. После моей выходки, уже не уверена. А что он думал, придет, а тут его мягкая Инна ждать будет, которая окружит его заботой и лаской, как вторая мамочка? Было уже, плавали, знаем, к чему все привело.

Улыбаюсь по пути в свою комнату, ведь одна из насущных проблем решена. Завтра с утра пораньше забегу в магазин за сапогами, а на работе предупрежу, что задерживаюсь.

Может, и остальные проблемы как-нибудь рассосутся сами по себе?

Эх, пусть завтрашний день будет лучше!

Едва касаюсь лицом подушки, как улетаю в царство Морфея, бороздить миры и биться с собственными демонами.

Глава 9. Ложка дегтя

Илья

А в голове: вертолет, вертолет, вертолет. А на душе: хоро-вод, хоровод, хоровод.

Но это так, лирическое отступление. Надо завязывать с за-душевными разговорами один на один с бутылкой крепкого ирландского. На кой черт я вчера так надрался? Ах да, повод что надо – неадекватная Мандаринка.

С ней, что ни встреча, то вынос мозга. Скоро превра-щусь в припадочного с вечно дергающимся глазом. Помнит-ся вчера, прежде чем вырубиться, точно решил – завязываю с рыжими. И какого, спрашивается, хрена, преследуемый жестким похмельем, снова несусь в маркетинг, едва стрелки офисных часов приблизились к десяти?

Походу, это заразно! Психическая неадекватность, ирра-циональное поведение, эмоциональный раздрай. Точно, это новый вирус, передается воздушно-капельным, от очень кра-сивых мандаринок. Боюсь даже представить, что бы случи-лось, поцелуй я ее вчера. Наверно, пришел бы сегодня на ра-боту голый и всем показывал свои причиндалы, не меньше!

Все. Просто загляну, удостоверюсь, что цела, здорова и, как всегда, остра на язык, и скроюсь в сумраке коридора, забыв дорогу до этой клоаки. А потом... потом подыщу себе

адекватную мадам, без заскоков, завышенных требований, и, однозначно, молчаливую. И фиг с ней, если будет брюнеткой без форм! Смирюсь, откормлю. Не велика задача. Главное, чтобы ёкало, не замужем и хотела семью.

И маме понравилась.

Хотя с этим, мне кажется, проблем, по умолчанию, возникнуть не может. Она так давно причитает, что любимый сын к тридцати так и не остепенился, – да, да, она не скрывает, что я любимчик, – что смиритса даже с трехногой инопланетянкой, назови я ее невестой.

Останавливаюсь на пороге клоаки, читай, отдела маркетинга, и сразу кидаю взгляд на стол бестии. Пустой. Внимательно обвожу взглядом кабинет, сканируя на наличие рыжей шевелюры – безрезультатно. Зато натыкаюсь на голубоглазую блондинку, брошенную мной вчера в одиночестве, в непонятном даже для меня самого порыве. Ее голубые глаза пристально рассматривают меня, словно сканируя, оценивая, но широкая улыбка не сходит с губ. Затем она поднимается с места и поправляя тесную юбку, направляется ко мне. Пока она идет, подмечаю, что у нее не такая уж идеальная фигура, только грудь и выделяется, и то, на проверку, насколько помню, оказалась сильно отредактированной хорошим пуш-апом. И походка – наигранная такая, отрепетированная, слишком киношно-соблазнительная, что ли. На лицо хороша, и глаза голубые, но пустые какие-то, без глубины. Да еще этот характер... И почему я на ней так заиклился?

– Как мило, что ты пришел извиниться, Илья, – ласково говорит она, поглаживая пальчиками лацкан моего пиджака. – Но знай, я совсем не сержусь на тебя. Я хорошая девочка?

Поднимает свои глаза, а там – Кот из Шрека отдыхает! Опять затеяла свои игры. Неужели я стал так мил и угрожающ из-за собеседований? Но каков гонимый, считает, что я должен извиниться?!

– Вообще-то, я ищу рыжую, – с наслаждением наблюдаю, как Настёна меняется в лице. – Хотел спросить, как она себя чувствует. Ее сегодня нет?

– Звонила, сказала, опоздает, – холодно отвечает блондинка. Но тут же меняет тактику, переходя в режим "кошечки". – Пообедаем сегодня вместе?

– Буду занят. Как придёт – пусть меня наберёт, о'кей?
Дожидаюсь кивка и ретируюсь. Может и не передать, ведь. Стоит только почувствовать конкуренцию – все, Настёна объявит войну. Мандаринке не выжить.

Поглощенный работой, не замечаю, как приближается время обеда. Рыжая так и не позвонила, так что нахожу, не без труда, ее добавочный номер, поскольку с трудом вспоминаю настоящее имя Мандаринки, и набираю.

– Инна Разумовская, слушаю Вас, – сразу хренею от ее низкого сладкого голоса в трубке, и напрочь забываю собственное обещание больше к ней не приближаться.

– Жива? – спрашиваю, а сам почти трясусь от сдерживаемого

мого желания бежать к ней со всех ног.

– Да, – слышится удивленное. – Спасибо, что поинтересовались.

И молчит. Я тоже молчу, слушая ее дыхание. Я болен, точно, болен.

– Пообедаем?

– Я не голодна, – опять за свое.

– Снова подвергнешь пытке мандарины?

– Илья Геннадьевич, отвали, а?! – гневно шипит в трубку и прерывает связь.

Вот дурында. Реально ведь, не поест даже. Встаю с рабочего места за пятнадцать минут до положенного времени, но кто меня, начальника, остановит, и отправляюсь в кафе здорового питания по самым пробкам. Беру томатный суп с чечевицей и куриную грудку с овощами на пару. Все очень здоровое и мерзко диетическое. Теперь Мандаринке не отвертеться!

На эти нехитрые действия ушел целый час, так что в офис возвращаюсь уже почти к окончанию обеденного перерыва. Захожу в кабинет отдела маркетинга, и, на удивление, он пустует. За исключением одной несносной нимфы и серой мышки рядом с ней. Кладу перед рыжей контейнеры с едой и гордо знаменую:

– Вот, держи, диетическое.

Ожидаю похвалы, награды за подвиг, и даже поцелуя, чем черт не шутит, но никак не взгляда, способного убить на ме-

сте. Серые омуты обволакивает гнев, нет, ярость, какой я у нее еще не видел. Она вскакивает с места, хватается контейнеры, и швыряет их мне в лицо, с оглушительным: "Вот ты скот, Хромов!". Затем стремительно выходит из кабинета, оставляя меня в недоумении и чечевице из супа, что пейзажно растекается сейчас по серой водолазке и пиджаку.

Смотрю на серую мышку с соседнего стола, безмолвно спрашивая: что это сейчас было? Но девушка ошарашена не меньше моего: ее глаза с два пятака, а рот она зажала ладошкой. Понятно... что ничего не понятно. А у рыжей бестии появился еще один эпитет: истеричка.

Ближайшие полчаса пытаюсь застирать водолазку и оттереть пиджак, и если последний худо-бедно поддается, то светлому кашемиру самое время устраивать панихиду. Надеваю пиджак на голое тело, застегиваю на все пуговицы, и все равно выгляжу как мачо с билборда, рекламирующий туалетную воду "для настоящих мужчин". Хорошо, что сегодня нет никаких совещаний и, упаси бог, повторных собеседований, иначе я произвел бы фурор. А слухи о моей ориентации подверглись бы жёсткой проверке. Крадусь до своего кабинета, молясь, чтобы никто на пути не встретился.

Работать после обеденного происшествия категорически невозможно. Сальдо никак не выстраивается, а проводки безжалостно горят красным, говоря, что где-то закралась ошибка. Мозг, алё! Прекращаем думать о сумасшедших женщинах и начинаем о деле!

Но куда там. Сознание упорно пытается проанализировать ситуацию и вычислить, где косяк. Жаль, не в бухгалтерской смете, а в поведении Мандаринки. Надо при встрече поинтересоваться: у нее в роду шизофреники были? Хотя нет, опасно, огреет чем-нибудь тяжёлым, поминай, потом, Илюшу, как звали.

Ну теперь точно все. Асталависта, бэби. Скатертью дорога. Пусть до седых волос и проплешины другого кого-нибудь доводит! Если существуют пресловутые половинки – ее ждет зануда-ботан, помешанный на ядерной физике, и не умеющий связать два слова вместе. Потому что противоположности притягиваются! Заведут пятеро детей, ибо, ну, как с такой, как Мандаринка, иначе? Разве возможно от нее отлипнуть, если уж влип? И будут жить долго и счастливо: он молча, она, не затыкая рот.

От представленной картинке и смешно, и щемит где-то в области груди. Навязчивые мысли о ее мягких формах, извечно запрятанных в безразмерные мешки, не дают покоя. Ну, хоть бы раз испытать этот кайф – руки на ее бедрах, губы на шее, волосы льются шелком сквозь пальцы, а дыхание перехватывает от ее запаха – сладкого, домашнего, головокружительного. В штанах уже полночь, на часах – почти семь, пора собираться. Работа так и осталась недоделанной, и, если так пойдет дальше, сотрудники останутся без оплаты труда.

Глубоко дышу, пытаюсь успокоиться и отодвинуть мысли о богине на задний план. Богиня, богиня... это прозвище на-

векает странные воспоминания: свадьба, мой номер, горячие поцелуи. Ваниль, корица, кокос. Кадры в голове расплывчаты, поистёрты, помню, на утро казалось, что это лишь сон, но сейчас... Ощущения такие реалистичные. Словно, и правда, было! Самовнушение, шиза или правда? Ответ может дать только один человек.

Подхватываю телефон и ключи от машины и, накинув пальто, стремительно спускаюсь вниз, если повезёт, Мандаринка не успела далеко уйти, перехвачу ее у метро.

Как только двери лифта открываются на первом этаже, сразу замечаю яркие рыжие волосы и зеленый пуховик. Стоит, разговаривает с каким-то упырем. Говорит довольно тихо, но, видно, что эмоционально, выразительно жестикулируя. Подхожу немного поближе, чтобы подслушать – подумать только, до чего докатился! Аккуратно рассматриваю мужика – а, вот, по-видимому, и задрот-ботан объявился на пути, но нет, упырь, не отдам тебе Мандаринку, самому нужна. Хочу, было, вклиниться в разговор и совершить очередную глупость: приобнять ее, например, чтоб ботан офигел, или даже поцеловать, чем черт ни шутит!

Но следующий обрывок фразы от лица задрота, заставляет меня перейти к более решительным действиям.

– И ничего, что ты так растолстела, у меня абонемент есть в спортзал. Все исправим, Пышка!

Мандаринка, словно рыба, выброшенная на берег, стоит, беззвучно открывая рот, от шока, или злости, не может по-

добрать слов. А слов и не надо. Подхожу к упырю, одно точное движение, и он на полу, сжимает челюсть рукой.

– Еще раз увижу – поломаю пополам. И я не шучу, такого задохлика сложить зигзагом и одной руки будет достаточно.

– Пошли, – говорю Инне. Обнимаю ее за плечи и веду к своей машине, пока помогаю ей сесть, вижу, что щеки все мокрые от слез. Удивительная Мандаринка – разговаривает, превышая децибелы, а плачет – беззвучно.

Молчу, пока едем к ее дому. Теперь все становится прозрачнее. Вот кто причина всех бед – задрот-ботан, выносящий ей мозг. И нашла же упыря, сам из себя ничего не представляет, а ее унижает. Подумать только, сказать такое!

Я ведь думал, причина во мне. Но теперь все разложилось по своим местам. Ничего, рыжая, я ещё докажу тебе, как ты прекрасна. Может, даже сегодня.

Глава 10. Два полюса притягиваются

Инна

Я ненавижу мужчин. Seriously. Останусь навсегда старой девой, заведу себе кошку, может, трёх, дам клички: Атос, Портос и Арамис, и буду бесконечно их ненавидеть, потому что даже коты – самцы! Нет, отвратительный план. Заведу лучше рыбку Дори, пусть себе меланхолично плавает туда-сюда и сдохнет через месяц. Ну вот, ещё хуже.

Даже старой девой мне не быть счастливой! О, придумала, буду строить карьеру! Поднимусь по карьерной лестнице, к тридцати – начальник отдела, к тридцати пяти – заместитель директора, в сорок – свое агентство. А там и помру от сердечного приступа, можно дальше не планировать.

Что-то одна чернуха в голову лезет. А все он виноват – катализатор всех моих несчастий – Илья – скот – Хромов! Ну, вот за что он так со мной? За испорченный вечер? Мои колкости? Или ему просто по кайфу меня доводить? Но даже это не является оправданием его сегодняшнего поступка!

Подумать только, купить мне диетической еды, и принести с такой самодовольной рожей "худей, жирная, худей".

Странно, что он не дождался, когда все вернутся с обеда,

чтобы шоу набрало обороты! Представляю, как радовалась бы Кононова моему унижению. Может, они вообще совместно это все придумали. Может, он вообще, все это время за ее команду играл. Если подумать, то все складывается: перед самой презентацией он меня увез подальше и выбил из колеи, чтоб я ее провалила; потом я из-за него травмировалась, а сейчас он еще и самооценку мою решил добить.

Нет уж, крашенный, не на ту нарвался! Я себе цену знаю. Да, набрала, да, местами чересчур, и да, надо бы похудеть, но я это и сама знаю, трезво себя оцениваю и в напоминании от какого-то козла не нуждаюсь! Надеюсь, этот поганый суп ему во все дыры затек и там развил аллергическую реакцию. Вот бы он опух от него, раздулся, как воздушный шар, тогда я бы смеялась, и тыкая в него пальцем, спрашивала: ну и кто тут теперь жирный, а?

Стою перед зеркалом в уборной и смотрю на свое раскрасневшееся лицо. Инна, только не реви, только не реви. Он того не стоит! Никто не стоит! Не нужны тебе мужики, ты и как самостоятельная единица будешь счастлива!

Когда вернулась на рабочее место, блондина след простыл, зато остальные коллеги подтянулись с обеда. Наклоняюсь к Машке, ставшей свидетельницей недавнего происшествия и шепчу: только никому не говори!

Она активно кивает в ответ, смотря своими наивными глазами с испугом. Боже, что же она обо мне думает?

Рабочий день плавно завершается, я представляю себе,

что, выходя из офиса, снимаю рабочую оболочку и все, что сегодня со мной здесь произошло, здесь и остается, в стенах этого кабинета. В холл спускаюсь уже в приподнятом настроении: у меня теперь есть сапоги и даже немного налички, скот Хромов теперь ко мне и на километр не подойдет, а мама по вторникам не ведет факультатив, значит, уже дома и приготовила что-нибудь вкусненькое. Все, жизнь снова налаживается.

И мой мозг, уже активно настроенный на счастливое будущее, отказывается понимать, что передо мной снова стоит ослик-недорослик. Какого хрена? Зачем на работу ко мне приперся?

– Живило, – устало говорю я. – Я тебе деньги отдам, сказала же.

– Иннок, я же не из-за денег. Я, наверно, вчера все неправильно сказал. Я скучаю по тебе, мне тебя не хватает. Давай снова попробуем, наотдыхались уже друг без друга.

– Ты сейчас серьезно? – начинаю закипать, но голос не повышаю, рядом локаторы коллег, резко переставших спешить домой. – То есть ты до сих пор считаешь, что мы расстались временно? Спустя год??? – взмахиваю здоровой рукой, пытаюсь выплеснуть все негодование, не переходя на крик.

– Пышка, ну я не прав был. Ну, дурак, что ты еще хочешь от меня услышать? Ты же хотела замуж? Давай поженимся! Давай прямо завтра в ЗАГС. Я готов, теперь точно.

– Живило, услышь меня, я не хочу за тебя замуж, и видеть

тебя не хочу, и плевать мне на твои извинения, – говорю уже спокойно, словно разъясняя маленькому младенцу прописные истины. – Я же совсем другой человек за этот год стала!

– Да мне не важно! – горячо убеждает он. – И ничего, что ты так растолстела, у меня абонемент есть в спортзал. Все исправим, Пышка!

Я смотрю на Андрея во все глаза, не веря, что он только что это произнес. Он даже не понимает, как унизил меня сейчас, как по больной мозоли только что прошелся, которая еще от скота Хромова не отошла! Вот ослина!

Ой.

Неожиданно из-за моего плеча вылетает кулак и врезается точно в скулу Андрею. Тот падает, не удержавшись на ногах. Следует фраза:

– Еще раз увижу – поломаю пополам.

Я оборачиваюсь на знакомый голос и выпадаю в осадок – Хромов! Шок видимо разливается по венам и мышцам, отключая любую возможность что-то сказать или пошевелиться. Он приобнимает меня рукой и куда-то ведёт. Мамочки, как я устала от этих мужиков! Ну почему, почему, они все такие скоты. Почему для них нормально унижить человека и даже не понимать этого? Почему не могут относиться с уважением? Да просто любить такой, какая есть!

По пути к машине слезы уже прорываются на волю и этот поток не остановить. По дороге к дому – я надеюсь, Хромов везет меня домой – маленькие ручейки перерастают в

настоящую истерику. Громкие рыдания, размазанные сопли, несвязное "почему меня никто не любит". Мне даже становится все равно, что я не одна, и не кто иной, как Илья – скот – Геннадьевич стал свидетелем моего провала.

Только одна мысль брезжит где-то на периферии сознания: зачем он вдарил Живило? Эта мысль помогает мне немного успокоиться, чтобы начать связно общаться и задать блондину этот вопрос.

Окончательно я успокаиваюсь только подъехав к дому.

– Спасибо, – шепчу сдавленным голосом. Не буду изображать напускное веселье, надоело, пусть знает, как он, и подобные ему, трехногие, сломили меня. Может совесть разыгрывает и он, наконец, отстанет от меня?

– Мандаринка... – тепло говорит он. С сочувствием, отчего мое сердце неприятно сжимается, а слезные потоки снова грозятся выпустить реки воды.

– Зачем ты сделал это? – спрашиваю твердо, пресекая любую жалость к себе, ненавижу это.

– Что именно? Почему подвёз тебя или почему ударил того упыря?

– Последнее, – стараюсь не смотреть на него.

– Потому что нельзя такое говорить девушке. Особенно красивой!

– Пф! – фыркаю я, – как будто сам лучше!!!

– Не понял... – недоумевает скот.

– Что за игры Вы устраиваете, Илья Геннадьевич? Зачем

постоянно меня унижать? Это какие-то извращённые фантазии? Вам нравится, когда людям плохо?

– Так, я окончательно перестал что-либо понимать, – Илья разворачивается ко мне туловищем, насколько это возможно в тесном салоне его машины и картинно приподнимает бровь. Ох уж эта его бровь!

– Да все ты прекрасно понимаешь! – в гневе перехожу на "ты". – Зачем было устраивать этот цирк на обеде? Я, итак, знаю, что не фотомodelь, и до Кононовой твоей любимой мне как до Сатурна! Но зачем притаскивать мне диетическую еду, насмехаясь, а? Вот скажи, мне, скажи, я жажду понять твои мотивы! – предательские гневные слезы все-таки выкатываются, грозя перерасти в новый приступ истерики.

– Боже, что за извращённый мозг в этой хорошенькой голове? Может, не стоило перекрашиваться? Хотя бы было оправдание твоим глупым выводам! – говорит насмешливо, отчего из меня вырывается громкое рыдание, и я прячу лицо в ладонях.

– Мандаринка, – касается моих ладоней, пытается отнять их от лица. – Послушай меня, Мандаринка! Я вообще ничего такого не имел в виду! Просто накормить тебя хотел, думал ты злая такая из-за того, что не ешь ничего. Мне твои коллеги сказали, ты на одних мандаринах сидишь. Я просто хотел угодить...

Я прислушиваюсь к его словам, но смысл до меня доходит не сразу. В смысле, угодить? Убираю ладони и внимательно

смотрю на него опухшими глазами. Ну и видок у меня сейчас, наверно. Но, ничего, мне же не замуж за него выходить, пусть знает, как реальные девушки выглядят!

– Серьезно? – спрашиваю на грани слышимости.

– Ну да, ты напридумывала, конечно. У тебя фантазия – самое место в маркетинге работать! – усмехается он. А я вспоминаю, что мне повышение теперь не светит и снова начинаю всхлипывать.

– Господи, ну сейчас-то я что не так сказал?

– Мне... я... – продолжаю всхлипывать. – Я презу... провалила.

– Глупости! Ты была лучшей, тебе завтра придет письмо с приглашением на третий этап собеседований. Уж поверь, мы за тот день и на своих насмотрелись, и на кандидатов со стороны. Всем до твоих идей, как до Китая! – жарко убеждает меня Хромов.

– Но я слышала... Ты сказал: да это же просто...

– Крышесносно! Я сказал: крышесносно! Боже, женщина, у тебя все такие в семье, или ты одна мастер по додумыванию? – смеется надо мной, но беззлобно, по-доброму, и я начинаю улыбаться.

– Нет, это все планеты виноваты! Я такая одна, неповторимая.

– Это точно, – произносит тихо и замолкает. Смотрит на меня пронзительно, до самой души пробираясь.

А вокруг нас накаляется атмосфера. Градусы повышают-

ся, воздух электризуется, нас притягивает друг к другу, словно магнит. И вот, всего минуту назад я рыдала, ненавидя мужчин, а сейчас сгораю в объятиях не лучшего из их представителей, но как же хорошо касаться его, как удивительно правильно. Наши губы встречаются, и дальше начинается магия.

Глава 11. Горячий вечер вторника

Илья

Мягкая, теплая, сладкая. Настоящая мандаринка. Умопомрачительно ласковая, головокружительно нежная. Поймал ее, взял в плен своих рук, поцелуев, дыхания. Не отпущу. Пусть потоп, смерч, землетрясение – не выпущу ее, не оставлюсь.

Перетягиваю податливое тело к себе на колени, отодвигаю кресло назад, избавляюсь от дурацкого пуховика. Она такая сексуальная! Кажется, меня сейчас разорвет на части. Ее изгибы, по которым я путешествую ладонями, – идеальны. Ее губы – пухлые, сладкие – само совершенство. Прокладываю дорожку из поцелуев по ее щеке, с трепетом собирая солёную влагу недавних слез, достигаю чувствительного места за ушком и ловлю дикий кайф от ее стонов.

Втягиваю ванильный запах ее волос, и мое сердцебиение переходит в тахикардию. Ещё чуть-чуть и я схвачу инфаркт. Но мне так нравится, нравится, нравится... Разве так должно быть? Разве может быть такое притяжение?

Касание ее пальцев – разряды тока по венам. Ее тихие стоны – тугой узел в груди. Я схожу с ума. Мир вокруг двигается так быстро, кажется, сменяются времена года, климат, религия, а мы застыли в этом моменте: где познаем друг друга не

спеша, шаг за шагом, глоток за глотком.

Ее задорные пальчики играют с пуговицами на моем пальто, расстегивают их, пробираются к торсу. Я улыбаюсь где-то в районе ее оголенного плеча, забираюсь одной из рук по бедру к кромке свитера, желая снять эту ненавистную тряпку. Но она отстраняется от меня, прерывая тесный контакт.

– Не надо, – шепчет она.

Я смотрю на нее как ополоумевший, словно сейчас свяжу ее и заставлю остаться со мной навсегда. С трудом восстанавливаю дыхание, все еще не выпуская ее с рук. Не уйдешь от меня, Мандаринка, не теперь.

– Эй, а почему ты голый? – и я понимаю, что ее взгляд обращен на пиджак, не скрывающий тело.

– Кашемир и чечевица несовместимы, – пожимаю плечами.

– Боже, прости, – выдыхает она и прижимается лбом к моему. – Я вспылила, надумала, и вообще, как ты понял, я ходячие неприятности, – она приподнимает руку с красующимся перевязкой средним пальцем.

Я касаюсь ее щеки легким поцелуем. Шепчу: "Ты – совершенство". Снова поглаживаю ее талию поверх свитера, тянусь под него, сгорая от желания ощутить ее кожу. Но Мандаринка опять отстраняется.

– Не надо, пожалуйста, – снова просит она.

Конечно, какой же я дебил. Не хочет, чтобы ее разложили в салоне машины, как какую-то...

– Поехали ко мне, – шепчу, загипнотизированный ее раскрасневшимися губами.

– Что? – произносит хрипло.

– Ты права, нужно сделать все правильно. У нас впервые... не может быть так. Не должно. Хочу тебя в своей постели, на черных простынях, так идеально подходящих твоим волосам. В ванной, где зеркальная стена отразит тебя тысячью мандаринками. У окна от пола до потолка, которое запомнит все твои изгибы. Ты идеально подходишь моей квартире. Вот увидишь, тебе там понравится! – говорю горячо, импульсивно, заведенный собственной фантазией.

– Ты должно быть шутишь! – гневно выдает она и тут же неуклюже сползает с моих коленей. – Вот ты скот, Хромов! А я – наивная дурочка... на те же грабли!

Отыскивает на заднем сидении пуховик и, набрасывая, буквально вылетает из машины. Прежде чем со всей силы долбануть дверцей, орет:

– Даже не подходи ко мне больше, козел!

Ошарашенно пялюсь во след этой неадекватной. Ну что, что произошло на этот раз? Зарываюсь руками в волосы, изнутри вырывается протяжное "Аааа". Вот стерва! Она наверняка специально все это делает. Наслушалась дурацких курсов "Как завлечь мужика", где какая-то неудачница втирает таким же лохушка, что с мужчиной нужно кнутом и пряником, и вот! На ровном месте!

Крутит мной, как хулахуп вокруг оси. Очередная пустыш-

ка, не больше, не меньше! Окрутила, обвела вокруг пальца, пустила пыли в глаза, а я повелся, дурак. А эта рыжая, похлеще Кононовой будет. Та хотя бы по стандартной схеме действует, все на поверхности! А эта?! Стерва! На километр больше не подойду, пусть засунет свои ожидания в космос, к планетам своим, что ее шандарахнули!

Тело сковано напряжением, которому не дали выхода. Самое время поколотить грушу или пробежаться три-пять километров, но есть идея получше. Завожу машину и набираю номер Настёны.

– Занята?

Глава 12. План всем планам

Инна

Так вот, как это бывает с правильным мужчиной. То есть, я, конечно, помнила, что он очень умел и изобретателен. Но думала это все алкоголь: в нем, во мне, в воздухе, которым мы надышались. Да и тот момент слабости на свадьбе был в сильном подпитии как минимум одного из нас. Но то, что было сегодня...

Ох, мама. Мое тело дрожало. Я вся вибрировала, в исступлённом удовольствии. Все двести двадцать пробивали от самых кончиков пальцев до корней волос. Я хотела его. Прямо там, прямо в тот момент. И плевать на все и всех. Но потом он стал поднимать мой свитер и меня тут же пронзила самая дурацкая из мыслей: сейчас он увидит мой жирный живот.

В темноте-то, или лёжа его не так заметно, а вот сидя в тесной машине, сгорбившись, там такой "валик"... Все желание вмиг бы спало! Я засмушалась, занервничала, а он подумал, что я из себя саму невинность строю. Хотя мне даже понравилось предложение, переместится к нему домой, но ровно до того момента, как он произнес ту фразу, после которой стало очевидно: ни хрена он меня не помнит!

Вот такой он, Илья Геннадьевич – скот – Хромов, пьяный вусмерть снимает девушек, спит с ними, не заморачиваясь, а

потом даже лица не помнит! И тот вечер свадьбы, очевидно, тоже не помнит! А его выпад "скажу всем, что мы переспали" не больше, чем инсинуация. Скот, какой же он скот... я понастроила воздушных замков, решила, что все серьезно, что перерастет во что-то красивое, яркое, настоящее. За те несколько секунд, что прошли с момента нашего разговора, до страстных поцелуев, я уже представляла, где мы будем жить, и как он сделает мне предложение!

А он... Самый обычный кобель. Добился бы очередной цели – и свалил в туман. Но каков актер! Хорош, правдоподобен! Как шептал мне "ты – совершенство", как заливал, что хотел "просто угодить". Только вот я все поняла! Разгадала его схему. Притворяется принцем на белом коне – обходительный, галантный, заботливый, красивый скот. А потом – заученные фразочки: ты будешь шикарна на моих простынях, хочу видеть тебя в зеркальной стене ванной комнаты... Тоже самое он говорил мне и тогда, при первом пьяном знакомстве.

Ненавижу его, всеми фибрами души – ненавижу. А оттого, что так сильно нравится стал, ещё больше ненавижу!

На следующее утро я просыпаюсь разбитой, словно несколько строителей хорошенько отдубасили меня ломом. Влажная от слез подушка, которые я не собиралась пускать, но они, коварные, не слушались, проявляется сыпью на щеке. А палец, недавно травмированный, пульсирует, отчего-то сильнее, чем вчера.

Замечательно. Ведь мало мне противного грызущего чувства внутри, пожирающего не зажившее от предыдущего разочарования, сердце. Надо ещё и телу подкосить окончательно. Чертова психосоматика!

На работу плетусь в отвратительном настроении. Даже с девчонками в отделе не здороваюсь, сразу запускаю компьютер, надеясь погрузиться с головой в рутину и хотя бы несколько часов не думать о скоте-блондине.

В почте висит одно непрочитанное письмо с приглашением на третий этап собеседований, которое совсем не приносит мне той радости, которую я ожидала испытать. Причины было две: то, что ненавистная Кононова тоже получила письмо, о чем сразу сообщает всему коллективу, и то, как мерзко она треплется о том, где и с кем вчера провела вечер. Ее извечная подружка Серебрякова, очень громко, буквально, на весь кабинет, чтобы все слышали, спрашивает: "Ну и что, что, после ужина, "было"?" А та, противно хихикая, словно смущаясь, подтверждает: "Скажем так, сегодня с утра на работу мы ехали вместе".

Независимо от моего желания, горло сжимается от острых чувств. Ненависти, горечи, обиды. Он не скучал вчера, не страдал, не плакал... Ну, последнее, я в принципе, и не ждала, только если где-то очень глубоко в душе надеялась, что его разрывают чувства и он, подобно индийским актерам, одиноко танцует по своей шикарной квартире – поет и плачет, поет и плачет... Но, очевидно, он не переживал.

Правильно, а зачем? Всегда найдется замена глупой девчонке. У той же Настены, небось, ни комплексов, ни лишних сантиметров в талии. И язык за зубами держать умеет. Не чета мне.

Скот. Какой же он скот. Пусть только попадется мне на глаза!

Но до конца дня он так и не объявляется. То в каждой щели его крашенная голова мелькала, то словно пропал с радаров! Скрывается в своем маленьком кабинетике, корпит над цифрами, радуется очередной победе. На пике злости даже Кононову стало жалко, тоже попалась, дура. Хотя, конечно, не так сильно, как саму себя или будущую цель нашего Казановы. От мысли, что скот и дальше продолжит топтать женские сердца и самооценку, глаза накрывает красная пелена.

И именно в этот момент меня озаряет: нельзя ему это спускать с рук! План, подпитываемый гневом и неудовлетворенностью, созревает моментально. Держитесь, Илья Геннадьевич, вам объявлена вендетта.

Посетив несколько специализированных магазинов и изучив сайты узкой направленности, я злобно потираю руки, в душе представляя себя доктором Зло, не меньше. Предвкушаю реакцию блондина – удар будет по всем фронтам. И как хочется видеть его лицо, когда сегодня же вечером ему в дверь позвонят. И его взгляд, когда он поймет, что это было только начало!

Глава 13. Черная полоса? Не, не слышал

Илья

Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не хочу знать. Настраиваю себя категорично, но мысли о неадекватной Мандаринке все равно не желают меня покинуть.

Ей богу, я пытался выкинуть ее из головы. Даже прибег к кардинальному методу – пригласил на ужин с продолжением Настёну. Но ни ее соблазнительная улыбка, ни мини платье, ни бодро приподнятая "тройка", не смогли меня отвлечь. Более того, ее дурацкие ужимки – злили, глупые фразочки – раздражали, а от пропитанных фальшью комплиментов, хотелось выгнать тотчас же. Но я честно дождался окончания ужина, который я заказал в ресторане, и дно бутылки, которую блондинка принесла с собой.

Ждал просветления, возбуждения или любого другого чувства, способного заглушить идиотские ощущения от мягкой кожи Мандаринки, ее охренительного запаха и сладких стонов, что не желали выветриваться из подсознания. Смотрел на длинные шикарные ноги Кононовой, представлял, как веду по ним рукой, поглаживая стройные бедра, и не чувствовал ничего. Ни одного маломальского колыхания в ду-

ше. Ни единого шевеления сердца.

Черт. Влип, так влип. Хотел возненавидеть рыжую, отомстить ей, наказать, а вместо этого чувствую, словно у самого дыра в груди. И сквозь нее вытекают остатки разума.

Отослал Кононову домой, сославшись на усталость, хотя видел, что она готова продолжить вечер. И от этого злился еще больше: на себя, потому что слабак, на рыжую, что все нервы истрепала, и на то красное платье, так неудачно-удачно подчеркнувшее изгибы, которые раньше не замечал.

Сон был поверхностным и беспокойным. Меня преследовали огромные мандарины, желающие раздавить. А их огромные рты – вот дичь, рты на мандаринах! – заливисто хохотали. Я бежал по пустому городу, желая укрыться от фруктовых монстров, но куда бы не завернул, меня встречала толпа таких же мутантов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.